

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ

Война
ЦААР

Война HAARP

Василий Головачев

Война HAARP

«ЭКСМО»

2014

Головачев В. В.

Война HAARP / В. В. Головачев — «Эксмо», 2014 — (Война HAARP)

ISBN 978-5-699-74721-4

Еще недавно сообщения о применении «климатического» оружия воспринимались как рассказы журналистов, но теперь HAARP-война, развязанная американцами, – жестокая реальность. Майор спецназа Афанасий Пахомов получает предложение перейти в секретное подразделение недавно созданных войск геофизической обороны, главная задача которого оперативное реагирование на климат-удары по России. И первая же командировка в «холодную» точку, Баренцево море, на гибнущую нефтедобывающую платформу, убеждает майора в том, что он принял правильное решение. Тайные диверсии противника способны нанести колоссальный ущерб: вызвать засуху, тайфун, наводнение, сделать огромные территории непригодными для проживания людей. Отныне полем боя Пахомова становится... атмосфера Земли. «Небесное воинство» выходит на линию грозового фронта...

ISBN 978-5-699-74721-4

© Головачев В. В., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Автобус Камышин – Саратов. 22 мая, 10 часов утра	6
Северный Ледовитый океан, высокие широты. 23 мая, 22 часа по времени европейской части России	14
Север Баренцева моря. 23 мая, 23 часа 12 минут	17
Подмосковье, г. Королёв. 24 мая, полночь	20
Москва, Строгино. 2 часа ночи	25
Москва. 24 мая, 10 часов утра	27
Москва, улица Знаменка, 19. Министерство обороны России. 25 мая, утро	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Василий Головачев

Война НААРП

Всё притаилось и молчит, но это – затишье перед бурей.
Дж. Лондон «Железная пята»

Посеешь ветер – пожнёшь бурю!
Русская пословица

© Головачев В. В., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Автобус Камышин – Саратов. 22 мая, 10 часов утра

Пассажиров набралось не много, и автобус отъехал от северного автовокзала в Камышине полупустым.

Афанасий занял место согласно билету – в середине автобуса, уступил кресло у окна молодой девушке с короткой стрижкой по моде – «подсолнух»: соломенные волосы у неё образовывали лепестки подсолнуха вокруг чёрной поросли на макушке. Оглядывать салон автобуса не стал, и так знал, что за пассажиры сели вместе с ним в комфортный новенький «Икарус». Ни один из них не подходил по описанию под потенциальных террористов, хотя в последнее время вооружённое подполье Украины поднаторело маскировать боевиков и смертников под мирных граждан. Однако в том, что автобус отправился в путь чистым, Афанасий был уверен на сто процентов. Интуиция и опыт его ещё не подводили. Но впереди были остановки по маршруту следования, и расслабляться не стоило.

Сообщение об отправке смертницы из Львова в Саратов поступило в Управление спецопераций ФСБ в среду, и уже к концу дня группа Афанасия Пахомова в полном составе переехала в Камышин.

Возможно, сведения, добытые разведкой, не были корректными, так как полагаться приходилось на местную украинскую агентуру и родственников боевиков-бандеровцев, но цель террористов – взорвать Саратовский театр оперы и балета при проведении международного фестиваля песни – стоила того, чтобы поднять по тревоге все силы безопасности, и без того находящиеся в состоянии постоянной войны с бандподпольем. С начала века – с террористами Закавказья, два года назад – с озлобленными ультранационалистами Западной Украины, которых красиво «кинули» пришедшие на их штыках к власти олигархи.

Остановить террористов надо было до их проникновения в Саратов.

Четверг двадцать второго мая выдался ясным и тёплым. Пассажиры ехали налегке, лишь двое или трое из них везли большие сумки, уместившиеся в багажном отделении «Икаруса».

Афанасий, по-модному небритый, в легкомысленной жёлтой футболке с изображением акулы, джинсовой безрукавке и зеленоватых велюровых штанах, с кепи на голове, в очках, делал вид, что слушает музыку: к уху у него был прикреплён наушник плеера, – в руке он держал айпад, по экрану которого бегали и стреляли персонажи видеоигры под названием «Террористы против инопланетян». Играл он так громко, что один из пассажиров, с прокуренными усами и бородкой, сделал ему замечание. Пришлось уменьшить громкость звукосопровождения.

Первую остановку водитель сделал на выезде из города, подобрав двух женщин среднего возраста, одетых в скромные летние платья; они везли кота в специальном боксе и были заняты обсуждением какой-то встречи.

Вторая остановка на перекрёстке дорог к посёлку Умет и деревне Дубовка прибавила ещё троих пассажиров: совсем молоденькую девчонку, женщину постарше, – её мать, наверное, и лысого мужчину с портфелем, похожего на колхозного бухгалтера советских времён. Ни один из них подозрения у Афанасия не вызвал.

Проехали поворот на Усть-Грязнуху, высадили троих пассажиров на повороте к посёлку Каменский.

В Красноармейске желающих ехать в областной центр было больше, и автобус заполнился крикливой ватагой молодых людей в количестве восьми человек и шестью нормальными пассажирами постарше, среди которых Афанасий заметил старушку лет восьмидесяти, с седыми бровями, и затрапезного вида мужичка, которому на вид можно было дать лет шестьдесят с гаком.

Он насторожился. Не понравилось, что старушка поднялась по ступенькам в автобус не по возрасту живенько, а мужичок, следовавший за ней (у него была котомка за плечами), слишком суетливо ей помогал.

Оба сели в разных концах автобуса: старушка почти сразу за водителем, мужичок во всём коричнево-сером, древнем, запылённом – на заднем сиденье.

«Зум!» – набрал Афанасий на самом поле айпада, что означало: «Внимание! Боевой режим!»

Беспокоиться о том, что кто-то увидит набранный им текст, не стоило. Айпад был необычным, с поляризационным экраном, по которому бегали и прыгали персонажи игры, но текст информсообщений был виден только человеку в специальных очках, то есть Афанасию. Экипировка бойца группы «А», замаскированная под обычные вещи и детали одежды, позволяла командиру держать связь с другими бойцами, не привлекая внимания рядовых граждан.

На затылок лёг липкий взгляд.

«Лапа, клиент на заднем сиденье – в картузе», – выстучал Афанасий пальцами по глади планшетника.

– Вижу, – отозвался в клипсе рации голос Лапы – старшего лейтенанта Михаила Михеева.

Девушка-«подсолнух» рядом глянула на айпад, увидела горящий танк, бегущих солдат, но войнушка её не заинтересовала, и она снова отвернулась к окну.

В ухе проклюнулся голос Шелеста – лейтенанта Ванюты; он ехал за автобусом в отечественном мини-вэне «Ларгус» с затемнёнными стёклами:

– Командир, за вами едет раздолбанная «Тойота».

«Следи», – сыграл Афанасий нервную дробь ответа.

Водитель вдавил клаксон, ругаясь на нерасторопную «Ладу-Бузину», заставляя водителя уступить дорогу.

Завёрнутая в цветастую шаль старушка, сидевшая впереди с корзиночкой, накрытой серой тряпицей, даже не шевельнулась, и это тоже было странно, потому что сидела она совершенно прямо, не касаясь прямой спиной (почти все старухи в её возрасте горбились) спинки сиденья, как сидят девушки на выданье.

«Тоша, клиентка – бабуля с корзиной», – сообщил Афанасий.

– Ок, – донёсся ответ Тоши – сержанта Антонины Мамичевой.

Проехали перекрёсток на Луганское.

До Саратова оставалась ещё треть пути, и пассажиры стали вести себя тише, многие задремали, убаюканные рокотом двигателя и покачиванием автобуса.

Методика захвата смертника в автотранспорте давно прошла обкатку и зарекомендовала себя самым лучшим образом, но Афанасий медлил, чувствуя подвох. Ему не нравилось, что следом за автобусом едет старая «Тойота», в которой мог находиться дублёр сопровождающего смертника, способный дистанционно включить «пояс шахида». Его надо было брать одновременно с парой боевиков в салоне автобуса.

«Дохлый, Шелест – объект в «Тойоте» ваш. Зачистить по команде на раз».

– Есть, командир, – ответил Дохлый – сержант Сеня Марин, рапид-снайпер группы. Он мог за одну секунду трижды выстрелить из снайперской винтовки и не промахнуться.

«Сколько клиентов в «Тойоте»?»

– Двое, – ответил Шелест.

«Попробуйте идентифицировать».

– Пытаемся.

Палец лёг на скрытый сенсор запуска нанитов.

Контейнеры нанитов размером с пуговицу были вшиты в воротник безрукавки, представлявшей собой чудо шпионской техники, и содержали по десятку нанороботов разного назначе-

ния: одни могли вести наблюдения микровидеокамерами, другие несли парализующий мышцы человека яд.

Нанит наблюдения размером с голову муравья завис над мужичком с котомкой. Второй вышел над старушкой, намертво вцепившейся в корзинку.

На стёклах очков Афанасия появились два изображения пассажиров автобуса. Разобраться в них было трудно, но Афанасий не зря тренировался видеть нужное в объективах любой аппаратуры и на экранах слежения, поэтому безошибочно нашёл тех, кого подозревал в применении «маскиажа».

Мужичок нервничал, то наклонялся вперёд, то поправлял серый замызганный картуз на давно не чёсанных волосах, то склонялся к окну, пытаясь разглядеть дорогу за автобусом.

Старушка, наоборот, сидела спокойно, даже слишком спокойно, и глядела перед собой, в затылок водителю.

– Фоновая флюктуация, – подтвердил подозрения Афанасия компьютер, руководствующийся алгоритмом поиска нестандартного поведения людей. – Рекомендую обратить внимание на объекты один и два.

Белые окружности обвели на изображении в очках мужичка и старушку.

«Готовность раз!» – отстучал Афанасий не видимую никому команду.

Пуговки на воротнике выпустили ещё два нанита.

Один микроаппарат спикировал на мужичка, второй на старушку.

Однако укол нейтрализатора на мужичка не подействовал! Он лишь хлопнул себя по шее, посчитав ощущение следствием укуса комара.

Старушка замерла с остановившимся взглядом.

Автобус начал притормаживать, приближаясь к остановке на повороте к посёлку Сергиевский.

«Лапа – нестандарт! Клиента сзади на ствол!»

– Есть! – отозвался лейтенант.

Автобус остановился.

– Прыгнули! – выговорил Афанасий в микрофон рации на губе.

Лапа – незаметный застенчивый паренёк с пухлым лицом студента-первокурсника – встал вместе с готовившимися выйти пассажирами, достал пистолет с глушителем, направил ствол на мужичка с котомкой и выстрелил. Стрелять по врагу в местах массового скопления людей при выполнении приказа он не боялся, подчиняясь заповеди бойца группы «Альфа»: боишься применять оружие в толпе? Вставай на лыжи.

Мужичок проявил нервную расторопность, успел вскочить, но ловить пули руками он не умел. Во лбу его расцвела кровавая розочка, и он упал обратно на сиденье, царапая руками отворот курточки, под которой, очевидно, был спрятан пистолет или рация.

Пассажиры шарахнулись назад.

К старушке метнулась девушка в строгой, почти монастырской одежде, сдавила её руки, засунутые под платок.

– Командир!

– Все на выход! – рявкнул Афанасий, пробиваясь сквозь шеренгу пассажиров к девушке и старушке. – Шелест, что у вас?!

– Порядок, командир, – отозвался лейтенант, – клиенты в «Тойоте» обезврежены.

– Помогите пассажирам выйти!

Уже потом Афанасий узнал, как развивалась ситуация вне автобуса.

Следовавший за автобусом мини-вэн группы сманеврировал так, чтобы поравняться с «Тойотой», водитель приопустил стекло боковой дверцы, и Дохлый задействовал свою устрашающую «пушку» калибра двенадцать миллиметров.

Реактивная пуля пробила боковое стекло «Тойоты», разнесла на куски голову водителя и поразила сидящего рядом бородача, державшего в руках «лопатник» айпада. Второго выстрела не понадобилось.

Афанасий поднял край платка старушки, увидел её руку, прижатую к животу, на которой лежала ладонь Тоши.

– Пускач?

– Пассэдж, – отозвалась Антонина, кусая губы.

Пассэджем называли самый простой командер, снабжённый кнопкой, который срабатывал либо при нажатии кнопки, либо при её отпуске. И судя по белым, без кровинки, пальцам старушки, у неё был пассэдж второго варианта.

– Уходим!

– Если я её отпущу...

– У неё рука сведена судорогой, у нас есть несколько минут.

– Примотайте руку скотчем, у меня в кармашке.

Афанасий нащупал в кармане куртки Антонины катушку скотча, плотно примотал руку старушки к животу.

– Можешь отпустить.

– Там у неё пояс...

– Мы не ошиблись, выметайся.

Снаружи закричали. Послышался визг шин по асфальту.

– Командир, кажется, ещё один пастух! – включилась рация. – На чёрном «бумере».

– Догнать!

– Есть!

Афанасий сдёргнул с головы террористки платок – вместе с париком, и стало видно, что она далеко не старуха, а «пергаментная» маска, превращавшая её в старуху, тщательно приклеена к лицу.

– Сука! – выговорила Тоша, дрожа от возбуждения.

Афанасий подтолкнул её к выходу.

Выбрались из уже опустевшего автобуса.

– Все в укрытие! Быстро! Мотя – пояс шахида!

Из мини-вэна выскочил штатный взрывник группы капитан Матвей Дгебуадзе, метнулся в автобус.

Пассажиры отбежали подальше, хотя и без особой паники. Не было слышно ни воплей, ни причитаний, ни призывов о помощи, любопытство у рядовых граждан России всегда побеждало страх.

Афанасий дал в эфир «три восьмёрки» – сигнал для сбора тревожных служб, подошёл к «Тойоте», у которой уже возились Дохлый и Шелест.

– Вовремя мы их остановили, – сказал Шелест, разгибаясь и передавая командиру группы новенький айпад. – Здесь всего один номер – для выдачи команды на подрыв. Эти с-сволочи подстраховывали пастуха в автобусе.

– Кто они?

– Ивано-франковская тергруппа. Этот, с бородой, Сергей Сабенко, на нём десяток терактов, водила – Сергей Копаликов, кличка Губа, русский, новоявленный бандеровец, всего полгода назад пристал к западенцам.

– Понятно, общите тачку.

Афанасий вернулся к автобусу.

– Мотя, что там?

– Простенькая механика, – ответил взрывник, за свою жизнь обезвредивший не меньше полусотни взрывных устройств. – Контакт на отключении сигнала, но мне без спецухи не снять.

– Сможем вытащить её из автобуса?

– Пятьдесят на пятьдесят.

– Понял, выходи, дождёмся штатников.

Мотя выполз наружу задом наперёд, вытер пот на лбу тыльной стороной ладони.

– Я бы не опечалился, если бы она взорвалась, дура!

Афанасий похлопал взрывника по плечу.

– Дура она, конечно, душой, но её закодировали, жалко таких.

– А наших, что такие дуры взрывают, не жалко?

Афанасий не ответил.

– Сизый, вы где?

– Обыскиваем «бумер».

– Потери?

– Нет, взяли живыми... почти, обделались лёгким испугом. Оба славяне, хохол и белорус, братья во терроре, так сказать. – Сержант зло хохотнул. – Вооружены были под завязку. Чего тут только нет, даже новенький польский гранатомёт. Интересно, как они провозят такие прикамбасы через границу?

– Везите обоих сюда.

– Слушаюсь.

Послышался нарастающий рокот, над лесом с севера показался зелёный пятнистый Ка-326. Это летела из Саратова команда дознавателей областного отделения ФСБ, «стоявшего на ушах» уже двое суток.

– Командир, она скоро очнётся, – кивнула на автобус Тоша.

Афанасий с усилием вернулся к действительности.

– Последи за ней. В случае чего...

– Пристрелю к чёртовой матери!

– Не бери грех на душу, она невольница. Её и так не пожалеют.

Антонина подошла к двери автобуса с решительным видом, держа в руках пистолет.

Вертолёт сел на обочине дороги, подняв тучу пыли.

* * *

На базу в подмосковные Мытищи вернулись вечером, довольные оценкой, которую дал группе начальник саратовской «конторы». Хорошего настроения добавила и короткая речь заместителя начальника Управления спецопераций полковника Зайцева, прибывшего из Москвы на базу к моменту возвращения группы.

– Я горжусь, что служу с вами вместе, – сказал он, пожимая всем бойцам руки по очереди. – Ждите поощрения. Пожелания, просьбы будут?

– Никак нет, товарищ полковник, – ответил Пахомов без особой бравады. Пришла усталость, хотелось хорошенько выспаться и отдохнуть.

– Все свободны.

Бойцы, переговариваясь, потянулись к выходу из классной комнаты для политзанятий.

– А вас я попрошу остаться, майор, – добавил Зайцев бесстрастно.

Афанасий вернулся, выжидательно глядя на полковника.

– Поедем в управление, – сказал Зайцев. – В семь ровно нас там ждут.

– Кто, если не секрет?

– Высокие люди из другой конторы, увидишь. Это сюрприз.

Афанасий понял, что объяснений не услышит. Зайцев не зря слыл человеком, который решений своих не менял никогда.

В Москву прибыли на «Мерседесе» полковника, ровно в семь вечера вошли в кабинет начальника управления генерала Карпенко.

В кабинете, кроме самого Карпенко, высокого, костлявого, с худым вытянутым лицом, присутствовали ещё двое: массивный широкоплечий мужчина, на грубоватом лице которого буквально светились умные, светло-серые, проницательные глаза, на вид ему было около пятидесяти лет, и сухощавый гражданин лет тридцати пяти с жёстким, сухим, волевым лицом. Волосы у него были густые, стриженные под бокс, седоватые.

– Товарищ генерал... – начал Зайцев.

– Проходите, Андрей Витальевич, присаживайтесь.

Вошедшие сели под оценивающими взглядами присутствующих.

– Знакомьтесь, – продолжал Карпенко. – Полковник Черняк, заместитель командующего ВГОР.

Плотный массивный гость генерала коротко боднул головой воздух.

– Полковник Семёнов, командир оперативно-тактического подразделения. – Карпенко посмотрел на сухощавого гостя. – Товарищи, полковника Зайцева вы знаете, а это майор Пахомов.

Афанасий выдержал ещё два прямых попадания оценивающих взглядов, привстал.

– Сидите, – махнул рукой Карпенко. – Не до церемоний. О подвигах майора можно говорить долго, но могу вас заверить, что его не зря бойцы прозвали Барсом.

– Наслышаны, – процедил сквозь плотно сжатые сухие губы полковник Семёнов, не сводя карих глаз с лица Афанасия. – Сколько вам лет, майор?

– Двадцать семь, – так же сухо, без выражения, ответил Афанасий.

– Что оканчивали?

– Ярославский педуниверситет, факультет физической культуры.

– То есть вы не кадровый военный?

– Никак нет, рекрутированный, – позволил себе усмехнуться Афанасий.

– Мастер «Спирали», – добавил Зайцев, – мастер рукопашного боя, девять наград.

– Почему учились в Ярославском?

– Я родился под Костромой.

– Какими языками владеете?

– Английским свободно, немецким похуже, изучаю китайский.

Гости Карпенко переглянулись.

– Как вы оказались в группе «А»?

– Это секретная информация, – скривил губы Зайцев, бросив взгляд на генерала. – Надеюсь, таковой и останется.

Афанасий постарался сохранить невозмутимый вид.

Пять лет назад он отдыхал в Крыму, в Феодосии, и случайно стал свидетелем стычки «майдануных» украинских националистов УПА, каким-то образом сумевших проникнуть в Крым, с русскими туристами на пляже. За две минуты он уложил на песок шестерых горячих хлопцев, явно выполняющих заказ на провокацию, и был замечен отдыхающим здесь же ветераном «Альфы». После возвращения домой к нему и пришли рекрутеры ФСБ.

– Извините, могу я задать вопрос, товарищ генерал?

Карпенко кивнул.

– Что такое ВГОР?

– Войска геофизической обороны, – сказал крепыш-полковник басом. – Слышали?

– Нет.

– Это хорошо.

– Разве такие войска... существуют?

– Уже существуют.

– К делу, товарищи, – сказал Карпенко.

– Собственно, мы хотели бы рассмотреть вопрос вашего перевода к нам, – сказал Семёнов.

Афанасий с недоверием посмотрел на него, перевёл взгляд на Зайцева, на Карпенко, помедлил.

– Прошу прощения, не понял. Какого перевода?

– Вашего к нам, – терпеливо повторил полковник.

– Но это же... невозможно.

– Выслушай, что они предлагают, – обронил Зайцев.

– Мы предлагаем вам возглавить нашу оперативную группу, – сказал Черняк.

– Я и так команду группой.

– Это другой масштаб, – неожиданно мягко сказал Семёнов. – Войска ГОР созданы всего около двух лет назад в ответ на участвовавшие эксперименты американцев с климатом и геофизическими процессами.

– Мы хотим на этом уровне защитить территорию России и адекватно отвечать на климат-атаки, – добавил Черняк. – Нас – Россию, я имею в виду, – перестали уважать, а это неправильно.

Афанасий сдержал желание спросить: где же вы были при распаде Союза? Но этот вопрос следовало задавать другим государевым людям.

– Не вижу перспективы. В полицейском спецназе служат парни поопытней и посильней меня, всегда можно найти кандидатуру.

– Нам подходите именно вы.

Афанасий стиснул зубы, косо глянул на Зайцева, приглашая полковника поддержать его возражения.

– Я имею право отказаться?

– Имеете, – сделал казённое лицо заместитель начальника управления.

– Тогда я отказываюсь.

– Не спешите, майор, – укоризненно сказал Семёнов. – Наша структура как бы и не существует вовсе. Вас приглашают на службу в суперсекретное подразделение, способное решать оперативные задачи в любом районе мира. «Альфа», безусловно, великолепное по результативности подразделение, и только её бойцы должны составлять костяк ГОНГО.

– Костяк чего?

– Группы особого назначения геофизической обороны. Это действительно другой масштаб, майор. Само собой, вас повысят в звании, а также увеличат денежное довольствие. Не это главное. Подумайте, мы снабдим вас информацией о задачах и целях ВГОР, предоставим полнейшие данные о климатической и геофизической войне, ведущейся против России. Сколько вам понадобится времени на изучение?

Пахомов крутанул желваки, снова посмотрел на Зайцева.

– Мы отпускаем тебя на неделю в отпуск, – сказал зам. начальника управления. – В виде поощрения за успешное проведение операции.

– Хорошо, поговорим через неделю, – согласился Семёнов.

Зайцев встал.

– Разрешите идти, товарищ генерал?

– Идите.

Афанасий поднялся следом, щёлкнул каблуками, не меняя выражения непреклонности на лице, и оба вышли из кабинета начальника управления.

В коридоре Зайцев остановил подчинённого, положив руку на сгиб локтя.

– На твоём месте я принял бы предложение. – Он пожевал губами, поморщился. – Несмотря на то, что я лично против. Другого такого Барса надо поискать. Но у нас тебе через три-четыре года светит только штабная работа, а там...

– В люди выйду, – сострил Афанасий.

Зайцев не отреагировал на шутку.

– Тебе сразу полковника дадут, это раз, и до генерала доберёшься – это два. Да и работа интересная.

– Я ничего не слышал об этом... ВГОР.

– Сказано – суперсекретная служба, значит, суперсекретная. Они правы, нельзя так долго унижаться, пора отпор давать, тем более что у нас есть чем.

Афанасий с любопытством посмотрел на заместителя начальника управления.

– Откуда информация?

– В Интернет заглядываю... мы тоже не лыком шиты. Но об этом пусть лучше они тебе сообщат.

– Я... подумаю. – Афанасий оживился. – А целой группой перейти нельзя?

– Сам-то понял, что спросил? Кто же разрешит отдать целую боевую группу?

– Ребят жалко...

– Тебя не в тыл к немцам забрасывают, будешь поддерживать связь, в реальном мире живём.

– Понял.

– Ну и славно, пойдём водочки хорошей хряпнем за успех безнадёжного дела.

– Какого дела? – удивился Афанасий.

– Это я к слову. В юности я с друзьями часто в походы ходил, всю Россию, считай, на лодках обошёл, так вот когда мы собирались в первый раз, наш главный организатор Толя Новиков и предложил выпить по рюмочке за успех безнадёжного дела. Никто не знал, сможем ли мы выжить две недели в лесах и на реках.

– Выжили?

– Видишь, я даже полковником стал.

– Я же не пью.

– Зато я принимаю... изредка, здоровье поддерживаю. Генерал наметил тебе орден прицепить, неужто откажешься?

– Получу – отмечу.

– Ладно, идём.

И они направились к выходу по красной ковровой дорожке, оставшейся в здании управления ещё с начала века.

Северный Ледовитый океан, высокие широты. 23 мая, 22 часа по времени европейской части России

Солнце висело низко над горизонтом, пустив по свинцово-серому полотну океана дорожку расплавленного серебра.

Со всех сторон судно, идущее малым ходом, окружала вода, лишь на севере, в десяти-пятнадцати милях, сверкала зубчатая линия: там до самого полюса начинались поля арктических льдов, усеянные торосами, трещинами и шапками снега.

Полярное лето уже началось, поэтому ночь в этих широтах являлась таковой условно, солнце просто чуть опускалось к горизонту, чтобы утром начать подъём.

Судно современного дизайна, со множеством надстроек на верхней палубе, носило название «Night sun» и официально предназначалось для исследования климата и вод Мирового океана. Однако истинное предназначение корабля было известно только разведструктурам США, а о задачах, какие он выполнял, знали буквально несколько высших чинов ВМС Соединённых Штатов.

В рубке корабля, скрытой от взора поясом зеркального стекла, появились двое – капитан судна и лысоватый мужчина в меховой парке с откинутым капюшоном. Он был руководителем научной группы. Матросы и сотрудники экспедиции звали его доктор Джонс.

– Мы в заданном районе, – доложил старпом, поглядывающий на панели управления.

Джонс кивнул.

– Стоп машина! – скомандовал капитан.

– Очистить палубы, – невыразительным голосом проговорил Джонс.

– Экипаж внутри, – сказал старпом.

– Мы одни?

– В радиусе двадцати миль никого, ни одного судна. Спутники в пределах видимости – китайский и русский, но оба на сходе. Русские дирижабли пасут запад Гренландии. У нас сорок пять минут полного одиночества.

– Мы начинаем. – Джонс вышел из рубки, направился к одной из надстроек, напоминавшей многогранный купол, под какими обычно на кораблях прячутся антенны локаторов. Под этим куполом тоже располагался комплекс антенн, только иного предназначения.

Рядом с куполом высилась ещё одна надстройка в форме куба из белого материала.

Джонс посмотрел на безоблачное небо, не поднимая капюшона, несмотря на ветерок, открыл дверь в кубическое строение и скрылся в нём.

Это был центр управления всеми аппаратами и комплексами, установленными на борту корабля. Все его стены и даже потолок представляли собой системы экранов, у которых сидели операторы; в данный момент операторов насчитывалось шесть. За отдельным пультом восседал начальник смены, единственный чернокожий в составе экспедиции, отзывающийся на имя Оуэн.

Официально комплекс аппаратуры «Night sun» предназначался для диагностики ионосферы и температурных полей приповерхностного слоя воды. Однако на самом деле комплекс, получивший красноречивое имя «Зевс», решал гораздо более глобальные задачи.

Начальник смены, одетый в тёмно-зелёную курточку с эмблемой на рукаве, на которой красовалась латинская буква «Z», – такие же курточки носили и операторы «Зевса», – уступил своё место перед большим экраном, на который была выведена карта приполярных морей России с островами и северной береговой линией.

Чуть выше этого экрана светился другой, переходящий на потолок, отображавший ситуационную карту обоих полушарий Земли. Полушария пересекали синусоиды спутниковых тра-

екторий и необычного вида струи с огоньками внутри, обозначающие воздушные атмосферные течения и ползущие над Землёй ураганы и тайфуны.

Местоположение корабля отмечала на обеих картах неяркая красная звёздочка. К ней медленно приближались цветные огоньки, указывающие расположение высокоширотных спутников, как американских – они были малинового цвета, так и русских – зелёных, и китайских – жёлтых.

Ещё одна звёздочка – белая – тихо ползла над Северным Ледовитым океаном, приближаясь к району Баренцева моря.

– «Икс» в пределах активного ответа, – сказал Оуэн.

– Работаем, – бросил Джонс. – «Икс» на связь.

– «Икс» на линии, – отозвался один из операторов.

Под «Иксом» подразумевался орбитальный беспилотник «Х-37В», снабжённый антеннами-ретрансляторами «Зевса», без которого наземные структуры системы были малоэффективны. В наличии у ВВС США было четыре таких беспилотника, и три из них принадлежали системе «Зевс».

Какое-то время в пристройке царил тишина, слышны были только негромкие зуммеры и свисточки работающей радиоаппаратуры.

– Опускаю купол, – сказал оператор слева.

Джонс промолчал, наблюдая на малом экране, как восьмиметровый купол над антеннами собирается в складки.

– Предупреждение.

На судне трижды ударил колокол, заставляя сердца операторов работать быстрее.

– Пуск!

На палубах корабля ничего не изменилось, лишь по всем пультам кабины управления «Зевсом» пробежала волна разноцветных вспышек.

Схематическое изображение антенного комплекса на вспомогательном экране справа налилось багровым свечением.

Изображение в объёме главного экрана передёрнула судорога, от звёздочки на синем фоне океана протянулась трасса голубых штрихов, нашла перемещавшуюся по орбите звёздочку Х-37В, и над расчерченной координатной сеткой гладью Баренцева моря вспыхнула дымчатая клякса, накрывшая крестик объекта, который и был целью «Зевса».

– Вектор-зона открыта, – доложил оператор.

– Пошла накачка, – в унисон ему отозвался второй.

– Диаметр линзы около сорока миль, – добавил третий.

Заговорили остальные операторы, словно соревнуясь между собой:

– Устойчивость линзы девяносто три и три...

– Мощность пять гиг...

– Концентрация ионов на седьмом нуле...

– Температура в зоне одиннадцать на кило...

– Зародыш вихревого ядра на высоте двух...

– Температура на объекте падает...

– Пошла инициация туч...

– Мы на максимуме!

– Прохождение инфра заблокировано...

– Держим час, – скомандовал Джонс.

– Спутник на векторе, – пробормотал Оуэн.

– Картинку.

На вспыхнувшем экране проявилось бескрайнее свинцово-серое поле в белых барашках – поверхность моря – и белое пятно над ним в форме медузы. Пятно росло на глазах, закрывая

россыпь островов, ограничивающих Баренцево море, и объект между ними, появление которого взбесило американских бизнесменов, рассматривающих Арктику как свою собственность и не терпящих конкурентов.

– Линзирование закончено, – доложил первый оператор. – Началась автоактивация.

– Зона устойчива, – добавил второй. – Началась концентрация влаги.

– Отбой «Иксу».

– Есть отбой «Иксу»!

– Стандартная процедура, стоим сутки. – Джонс хлопнул дежурного смены по плечу, выбрался из кабины управления и, прищурившись, посмотрел на низкое солнце.

В районе остановки «Night sun» по-прежнему царили тишина и благодать, океан был спокоен, ветер стих, температура не опускалась ниже нуля градусов, но в трёх сотнях километров от этого места, у берегов России, зарождался мини-циклон, и «увернуться» от него не мог никто, даже способная ходить своим ходом нефтедобывающая платформа.

Север Баренцева моря. 23 мая, 23 часа 12 минут

Где-то наверху, на верхних уровнях платформы, послышался железный лязг, и Нефёдов с неудовольствием оторвался от чтения, отложил книгу.

Шёл двенадцатый час условной ночи, так как солнце в этих широтах с конца мая не опускалось за горизонт, но нефтяники жили по времени Москвы, работая посменно¹, вахтовым способом, и ложились спать, когда в окна лился поток оранжевого, густого, как сироп, света полярного солнца.

Кто-то постучался в дверь.

– Войдите, – разрешил Нефёдов; он был начальником морского нефтедобывающего комплекса, и входить к нему ночью решались немногие буровики.

Дверь открылась, впуская клуб холодного воздуха, вошёл широкий, могучий, как кузнец, бородатый Савельев, начальник смены.

– Виктор Дорофеич, там что-то непонятное начинается, посмотрел бы.

– Где?

– В атмосфере. Прогноз на трое суток благоприятный, никаких штормов и сильных ветров не предвидится, а холодает.

Нефёдов с сожалением глянул на книгу: это был томик Джека Лондона, изданный ещё в советские времена, – и начал одеваться.

Снаружи действительно похолодало.

Если днём температура воздуха в районе платформы не опускалась ниже нуля градусов, то сейчас термометр на вышке показывал минус три, и температура продолжала падать. К тому же вокруг платформы начала сгущаться странная мгла. Солнце над северо-западной частью горизонта пригасило свой блеск, стало малиновым. В небе образовалось гало в форме кольца.

Нефёдов поёжился под ветерком, застегнул на подбородке клапан меховой куртки.

– Этого в прогнозе не было.

– И я говорю. Штиль, да и море спокойное, – сказал Савельев. – Температура по прогнозу около нуля на три дня вперёд.

– Ветер?

– Только что начался, причём какой-то странный, кружливый.

– Поинтересуйся у метеорологов, что на Большой Земле.

– Хорошо, дождусь спутника и свяжусь.

Большой Землёй буровики называли берег у посёлка Варандей Ненецкого автономного округа, где находилась метеостанция и пограничная застава.

Савельев потоптался рядом, спустился по лесенке в недра платформы. Нефёдов, наоборот, поднялся на вертолётную площадку, где сиротливо разлапился оранжевый «Ми-8». Вертолёт был единственным транспортным средством, связывающим платформу с берегом, до которого по прямой было чуть больше семидесяти километров.

Самоподъёмная буровая платформа «Разлом-2» представляла собой огромное квадратное сооружение длиной сто тридцать метров и высотой сто сорок. Веса она сто с лишним тысяч тонн, но была создана по самым современным технологиям, с применением композитных материалов и модульных конструкций, поэтому штормов не боялась. Её осадка достигала семнадцати метров, и в случае необходимости платформа могла передвигаться самостоятельно со скоростью до четырёх километров в час. Таких платформ не имела ни одна страна мира.

Порыв ветра заледенил лицо.

¹ Смены на буровых платформах в северных морях длятся не более шести часов.

Нефёдов отвернулся, надвинул капюшон, посмотрел на небо, час назад не предвещавшее резких смен погоды. Точно над вышкой возникло фиолетовое сгущение в форме линзы, темневшее с каждой секундой. Гало исчезло. Создавалось впечатление, что в районе платформы, установленной севернее островов Колгуев и Вайгач, формировался глаз тайфуна.

– Чёрт-те что! – в сердцах проворчал Нефёдов, направляясь вниз, к жилому комплексу сооружения.

В кабине управления сложным электрическим хозяйством платформы было тепло. За шестью пультами перед метрового размера экранами компьютеров сидели дежурные операторы, не обращая внимания на гостей: платформа работала круглосуточно, заполняя нефтью танкеры один за другим.

– Метеорологи утверждают, что атмосфера над морем стабильна, – сказал озабоченный Савельев.

– Пусть посмотрит спутник.

Начальник смены склонился над пультом одного из операторов.

Несколько минут прошло в молчании.

Работа на платформе продолжалась, и в кабину то и дело долетали металлические лязги, стук, звуки моторов и скрип тросов.

Оживились операторы, начальник смены почесал затылок в недоумении, оглянулся на соловеющего Нефёдова, которому зверски хотелось спать.

– Над нами формируется зона низкого давления.

Нефёдов и сам видел изображение, переданное со спутника: оно напоминало серую опухоль, закрывшую ту часть Баренцева моря, которая носила собственное название – море Печорское. Диаметр опухоли был невелик, около семидесяти километров, и до суши её взлохмаченные края не дотягивались, но было видно, что центр атмосферного сгущения висит точно над платформой.

– Я бы доложил, – посоветовал Савельев.

– В ООН? – мрачно пошутил Нефёдов. – Или в «Гринпис»?

– Начальству... в Москву.

– И что я им скажу?

– Что у нас намечается флуктуация... кстати, это уже было с «Приразломной» год назад, если ты помнишь, хотя температура у них не падала, а росла.

Нефёдов провёл ладонью по лицу.

– Подождём. Может, это временное явление.

Однако метаморфозы погоды на этом не закончились.

Через час над платформой сгустилась туча с яркими белыми краями, и пошёл дождь.

Это был не обычный морозящий дождь и не ливень, это был л е д я н о й дождь – при температуре минус семь градусов по Цельсию. Вода одевала в плёнку постройки, металлические конструкции, машины, вышку и одежду буровиков и мгновенно замерзала, превращаясь в ледяную броню.

Но и это было ещё не всё.

Ливень не прекращался ни на минуту, словно выливаясь не из неизвестно откуда взявшейся тучи, а из другого измерения, и слой льда на всех поверхностях бурового комплекса час от часу нарастал, пока не достиг некоей критической толщины – более пяти сантиметров – и массы.

Первыми не выдержали ёмкости с водой; пресная вода на платформу доставлялась в пятисотлитровых пластмассовых бочках. Они начали трещать, а через три часа непрерывного ледяного омывания – трескаться.

Вслед за ними начали потрескивать нефтяные баки, куда перекачивалась нефть из скважины при отсутствии танкера.

Буровики прекратили работу.

Затем платформа начала оседать, и это было страшнее всего, потому что глубина моря в месте установки платформы достигала двадцати восьми метров, и весь комплекс просто мог утонуть.

Нефёдов доложил в Мурманское отделение «Нефтедобычи» о необычном природном феномене, попросил приготовить силы МЧС и объявил аврал. Буровики бросились скалывать лёд с конструкций платформы.

Борьба со стихией продолжалась семь часов!

Нефёдов уже хотел отдать приказ эвакуировать команду на танкер «Северпуть», экипаж которого тоже испытывал трудности, да и пересаживать пришлось бы двести человек, но, к счастью, в туче над платформой сверкнула молния, прорезав густую тьму трещиной, и дождь начал стихать.

Измотанные борьбой со стихией буровики ещё какое-то время сбивали ледяную корку (вертолёт не трогали, он вообще врос в лёд и превратился в диковинную ледяную глыбу), потом Нефёдов дал отбой, и почти вся команда нефтедобытчиков рухнула спать.

Лёд таял, после того как туча рассеялась, ещё сутки.

Подмосковье, г. Королёв. 24 мая, полночь

Поскольку Олег Щедрин жил в Королёве, на улице Богомольцев, а ситуационный центр ВГОР, официально именуемый Центром климатического мониторинга Российской метеослужбы, располагался всего в десяти километрах от города, то добирался он до места работы буквально за полчаса.

Суббота двадцать четвёртого мая в этом смысле ничем не отличалась от других дней недели, а учитывая то обстоятельство, что на работу Олег ехал ночью, его путь к центру занял всего тринадцать минут. Без пяти минут полночь он вошёл в зал управления центра, в котором работали около сорока операторов, следящих за состоянием атмосферы и земной поверхности России.

Компьютер, повинаясь голосовой команде, вывел на экран ситуационную карту территории страны.

Олег доложил начальнику смены о подсоединении к системе мониторинга и сразу же получил задание проанализировать состояние атмосферы северных морей России.

– Слушаюсь, товарищ полковник, – сказал Олег, привычно поправляя усик микрофона над губой. – Приступаю.

Компьютер увеличил карту северных территорий России вместе с морями. Олег двинул курсор на Баренцево море, самое западное из всех российских морей, принялся читать поступающие в режиме реального времени данные о состоянии атмосферы и водной поверхности моря.

Олегу Щедрину исполнилось двадцать семь лет. Четыре года назад он окончил МИФИ по специальности «физика атмосферы», устроился работать в метеоцентре под Тверью, но был замечен службой обеспечения и найма ВГОР и переехал в Королёв, где получил двухкомнатную квартиру, а также звание лейтенанта ВГОР, хотя до этого слыхом не слыхивал о существовании подобного рода войск.

Через три года после переезда он был уже майором и отвечал за подразделение аналитического управления в Королёве, работающего с комплексом «Король». Сами сотрудники Центра называли комплекс «Большим Тополем», так как существовали ещё малые «Тополя», с приставкой К.

Из истории изучения ионосферы Олег знал, что прообразом «Короля» послужил комплекс «Сура», расположенный на полигоне научно-исследовательского института «Васильсурск» в ста сорока километрах от Нижнего Новгорода. Полигон создавался как автономный исследовательский центр, используемый для диагностики ионосферы и верхних слоёв атмосферы Земли методами радиолучевого зондирования, измерения динамических характеристик мезосферы и магнитосферы, а также для разработки способов защиты от крупных коронарных выбросов Солнца, достигающих атмосферы планеты. Но с тех пор прошло три десятка лет, и российские учёные, а за ними и военные, научились использовать комплексы вроде «Суры» для воздействия на погоду, создав мобильные станции. Хотя американцы в этом деле опередили их, испытав пресловутые HAARP² – якобы лаборатории для ионосферных исследований, а на самом деле установки для создания и транспортировки плазматических потоков в любую точку земного шара с целью резкого изменения погоды или воздействия на геофизическую обстановку.

К моменту развёртывания первых «Королей» на территории России количество внезапных погодных аномалий, землетрясений, вулканических извержений и цунами, вызванных «Харпами», превышало три сотни. Американцы тестировали своё оружие. А потом начали

² HAARP – программа активного высокочастотного исследования авроральной области атмосферы.

использовать установки, построив ещё несколько – в Гренландии, в Австралии и на островах Тихого океана, для устранения бизнес-конкурентов в первую очередь, опередивших их в той или иной коммерческой деятельности.

Комплексы типа «Суры» не могли конкурировать с ними ни по мощности, ни по финансированию. Если на содержание «Суры» правительство выделяло всего сорок тысяч долларов в год, то эксплуатация только одного «Харпа» обходилась американцам в триста миллионов. Мало того, «Сура» работала всего сто часов в году, в то время как HAARP – не менее трёх тысяч.

Ситуация изменилась лишь в две тысячи одиннадцатом году, когда американцы с помощью двух «Харпов» – аляскинского и гренландского – устроили в центре европейской части России «тропическую жару» с температурой воздуха плюс сорок градусов по Цельсию, а местами до плюс пятидесяти. Тогда и был решён вопрос о создании устройств и комплексов для защиты территории России от климатических атак. Задача адекватного ответа возникла позже, после множества необъяснимых природных явлений, в которых стала просматриваться работа HAARP.

Первый «Король» был построен через три года под Королёвом, оттого он и получил название «Король». Там же впоследствии возник Центр управления всеми российскими комплексами. Это была стационарная станция, насчитывающая тысячу шестьсот антенн, не уступающая по возможностям аляскинской.

Второй «Король» соорудили в Тикси, третий на Камчатке. Ещё четыре строились и должны были встать в строй в ближайшее время; командование ВГОР решало поставленные перед ним задачи масштабно.

Несмотря на отсутствие каких-либо сведений в СМИ и Интернете, ВГОР существовали, имея в структуре четыре подразделения: управление стратегического планирования, управление анализа, управление оперативно-тактического реагирования и службы безопасности.

Разумеется, все бойцы, командиры и гражданские сотрудники ВГОР прошли горнило аттестации и дали подписку о неразглашении тайны, отчего даже их жёны, мужья и друзья не догадывались, где они служат. Никакой формы служащие ВГОР не носили, а в удостоверении того же Олега Щедрина сообщалось, что он «майор военизированной гражданской охраны России», или сокращённо ВГОР.

Но главным ноу-хау россиян были не стационарные «Короли», а мобильные установки для управления ионосферным каналом распространения радиоволн и создания плазменных решёток в ионосфере, те самые «Тополя-К», которые позволяли вместе со стационарными станциями формировать «мелкие» погодные неприятности в виде дождей, снегопадов, зон аномальной жары или холода, а также сходы лавин и оползней. Они же, по мысли разработчиков, должны были создавать и более мощные воздействия – землетрясения, ураганы и цунами. Правда, это была пока теория, на практике «Тополя» в этом плане не использовались. Уж очень большие, катастрофические и непредсказуемые последствия могли вызвать испытания.

Среди сотрудников управления бытовала легенда, что идею создания генераторов изменения погоды отечественные учёные и инженеры украли у американцев. Однако Олег точно знал, что самый первый «Тополь» изобрёл инженер Смирнов ещё в тысяча девятьсот восемьдесят шестом году, получив авторское свидетельство на изобретение под названием «Дистанционный электромагнитный способ изменения погоды». В девяносто третьем году он получил патент Российской Федерации на «Способ активного воздействия на атмосферу».

Его генератор формировал электромагнитные сигналы определённой формы и частоты, антенна направляла пучок радиоволн в расчётную зону ионосферы, где они и создавали условия для изменения погоды в заданном районе земного шара.

Изобретатель с двумя коллегами организовал лабораторию прикладной геокосмической физики, создал установку, назвав её «Уранией», с тысяча девятьсот девяносто второго года

приступил к испытаниям, сначала вызвав дождь над Каширским районом Московской области, где давно не было дождей, потом отогнал плавучие льды в Карском море от берега Северной Земли, а в Саратовской области более чем в три раза повысил высоту снежного покрова, защитив озимые от вымерзания.

Впоследствии впечатляющие результаты регионального управления погодой были продемонстрированы в Тунисе, Марокко, Иране, Мексике, Испании. Некоторые из этих стран готовы были заплатить огромные суммы за ноу-хау российского изобретателя.

Но не Россия.

Чиновники из Комитета по делам изобретений, выслушав объяснения Смирнова, что его устройство действует по принципу спускового механизма: малое усилие приводит к высвобождению гигантских сил, – рекомендовали ему обратиться к психиатру.

Лишь после две тысячи пятнадцатого года уже постаревшего инженера привлекли к работе ВГОР, где он и создал мобильные станции, названные «Тополями».

Они вполне годились в качестве средств адекватного ответа на «пакости» американцев, да и китайцев тоже, почуявших азарт в ведении «не доказуемых официально» климатических войн. Мир потихоньку сползал к глобальной геофизической войне, а законов, запрещающих климатическое и геокосмическое оружие, человечество так и не выработало. Этого оружия как бы не существовало, а примеры его применения СМИ раздували так рьяно, что обычные граждане переставали верить в «ужасы метеовойн».

Компьютер выдал сводку природных происшествий на территории России и во всём мире.

Олег привычно пробежался глазами по экрану, отмечая наиболее энергоёмкие события, заинтересовался полярными морями у берегов страны. Там, на северной окраине Баренцева моря, явно формировалась ундуляция – зона сверхнизкого давления, хотя никаких предпосылок для такого образования вроде бы и не существовало.

Олег связался с мурманским отделением синоптиков, затем подключил к поиску информации о погодных условиях в Баренцевом море тиксинский «Король» и спутники, но и этого ему показалось мало, и он связался с центром управления системой «Землекоп», датчики которой изучали геофизическую обстановку на всей территории России. По мере поступления данных интерес его рос и достиг апогея, когда ему передали сведения с острова Колгуев, отделённого от материка Поморским проливом, о резком снижении температуры в береговой зоне. Ещё через полчаса майору сообщили о звонке начальника нефтяной платформы «Разлом-2» Нефёдова в службу мурманского отделения МЧС. Стала вырисовываться интересная картина.

При полном отсутствии причин для резкого изменения погоды в акватории Баренцева моря развился точечный циклон диаметром всего около восьмидесяти километров, порождённый потоками влажного воздуха с Атлантики и переохлаждённого из Арктики, и в этом атмосферном колодце пошёл дождь.

Олег быстро составил карту атмосферных потоков, дополнил её картой ионосферных течений и сгущений и связался с начальником смены:

– Товарищ полковник, обнаружена искусственная ундуляция над северной частью Баренцева моря. Это явная к-диверсия, сомнений нет.

– Сбросьте материал мне на комп, – брюзгливо сказал полковник Троицкий; за высокомерие и занудство его никто из сотрудников Центра не любил. – Перепроверьте данные.

– Перепроверил.

– Сделайте это ещё раз.

– Слушаюсь, – флегматично ответил Олег.

Характер у него был мирный, спокойный, компанейский, но жизнь научила драться за место под солнцем, жёстко отстаивать своё мнение, и при внешней мягкости Олег, не споря, умел доказать правильность своих выводов. Именно умение стоять на своём и позволило ему

добиться уважения коллег и дойти в двадцать семь лет до звания майора. Хотя выглядел он по-прежнему большеглазым губастым увальнем, невысоким, полноватым, с невинным взглядом голубых глаз.

Кто-то положил ему руку на плечо.

– Что тут у вас происходит, Олег Миронович?

Олег оглянулся, хотел встать: это был начальник управления полковник Дзюба, – но главный аналитик ВГОР не любил у подчинённых строевого показушничества.

– Сидите.

– Точечная к-диверсия, товарищ полковник. Задействованы три «Зевса»: на Аляске, в Гренландии и в океане и беспилотник «Х-37». Предположительно третий «Зевс» расположен на корабле.

– Где он, по-вашему?

– У границы паковых льдов, примерно в трёхстах километрах от Колгуева, на северо-востоке. – Олег курсором показал красную звёздочку на карте. – Здесь.

– Параметры?

– Стационарные «Харпы» работают на трёх гигах в импульсе, мобильный на порядок меньше.

– Манипулятор.

– Так точно, он управляет линзой. Под ней образуется разрежение – потенциальная яма, давление падает, холод усиливается, и при попадании влажного атлантического воздуха...

– Начинается переохлаждённый ливень.

– Так точно.

– Что там у нас, в Баренцевом море?

– Нефтедобывающая платформа «Разлом-2». Месяц назад запустили на полную мощность.

– Не нравится господам пиндосам, когда их опережают. Мы первыми начали эксплуатировать шельф, для них это чуть ли не объявление войны. Что думаешь по этому поводу?

– От стратегии провокаций они перешли к стратегии прямых атак.

– Вот! – Дзюба поднял вверх указательный палец. – Надо отвечать. Есть предложения?

Олег быстро вывел на экран схему защитных действий.

– Если мы откроем вектор накачки с тиксинского «Короля», поддержим его каналом с Камчатки и добавим для коррекции канал из Мурманска...

– Мурманский «кнут» мы ещё не использовали.

– Так давайте используем.

– Понял, следи.

– Майор, я долго буду ждать? – мухой забился в наушнике голос начальника смены.

– Да-да, товарищ полковник, уже пересылаю.

– Я ему объясню, – догадался Дзюба, к кому относится сказанное Щедриным.

– Я всё равно должен отправить ему...

– Должен – отправляй. Кстати, ты просился в отпуск.

– Хотел к старикам съездить, провести.

– Пиши рапорт, я подпишу.

– Спасибо, товарищ полковник.

Дзюба сжал плечо аналитика, отошёл от монитора, направляясь к центру зала, где сидел начальник смены.

Начальнику управления исполнилось сорок лет, но выглядел он моложе, будучи субтильного телосложения, и вид имел рафинированного интеллигента «в тридевятом поколении».

Олег хотел догнать его и ещё раз поблагодарить, но вовремя передумал. Несмотря на свой вид, полковник Дзюба славился решительностью и бескомпромиссностью. Лебезить перед ним не стоило.

Москва, Строгино. 2 часа ночи

Заместитель командующего ВГОР Иван Захарович Черняк видел хороший сон, будто он косит сено на лугу самой настоящей русской косой, когда звонок мобильного разбудил его. Полковник досчитал до десяти, звонок не умолкал, пришлось тянуться к браслету айкома на тумбочке; спал он один, жена спала отдельно, так и не сумев привыкнуть к храпу мужа.

– Кто?

– Я, – бесстрастно ответил полковник Дзюба.

Сон улетучился окончательно, оставив в душе лёгкое сожаление.

– Что случилось?

– Очередная к-диверсия.

– Где?

– Печорское море, север Баренцева.

– Там же голое море, – удивился Черняк.

– Уже не голое, в районе развивающейся погодной аномалии стоит нефтедобывающий комплекс «Разлом-2».

– Вон в чём дело... нефтяники... вполне крупная цель... кто анализировал?

– Майор Щедрин.

– Этот парень далеко пойдёт. Даже Троицкий отзывался о нём не без уважения. Не пора переводить его из операторов в начальники смены?

– Я обещал ему дать отпуск, майор просил весной две недели – съездить на родину, к старикам.

– Хорошо, не возражаю. Что предлагаешь?

– Для начала надо разблокировать ундуляцию, повысить давление под линзой до нормального. Это позволит ослабить влияние ионосферы на данный район. После этого можно будет ответить.

– Конкретнее.

– Хотелось бы поймать этого америкосовского засранца в море и хорошенько помутузить.

– Помутузить не удастся, у нас нет ни спецгруппы, как у них, ни законного права бить морду.

– Можем поморозить.

– Кто носитель «Зевса»?

– Научно-исследовательское судно «Night sun».

– «Ночное солнце»... говорящее название. Мы с ним уже встречались.

– На Чукотке.

– Далеко же он забрался.

– Там льды рядом, поэтому большую скорость развить ему не удастся, будет ползти как черепаха, крадучись.

– Я доложу командующему, разработайте план адекватно.

– План уже готов.

Черняк невольно покрутил головой.

– Быстро ориентируетесь. Кто разработчик?

– Майор Щедрин.

– Понятно, начинай подготовку.

– Нам понадобится третий «Тополь», кроме стационаров в Тикси и на Камчатке. В Мурманске стоит резервный комплекс, можно подключить. Хотя мы его ещё не тестировали.

– Вот заодно и протестируете. Разворачивай.

– Слушаюсь.

Черняк помял колючий подбородок ладонью, поколебался немного, поглядывая то на непроглядно тёмное окно, то на часы, потом решил не тянуть с докладом генералу.

Командующий ответил через секунду, словно ждал звонка:

– Слушаю.

– Денис Самойлович, прошу прощения за поздний звонок, но у нас ЧС класса «Стрим-Б».

Командующий помолчал.

– Координаты.

– Баренцево море, нефтедобывающая платформа «Разлом-2».

Командующий снова помолчал. По натуре он был немногословен, сосредоточен на каких-то своих мыслях, на вопросы подчинённых отвечал не сразу, но решения принимал быстро.

– Мы можем ответить?

– Без проблем.

– Тогда отвечайте... если уверены в результате. Просчитайте все последствия. Я доложу министру.

– Разрешите выполнять?

– Выполняйте. – Генерал хмыкнул. – Спал небось? По голосу чувствую.

– Только сон начал смотреть, – признался Черняк.

– Хороший?

– Сено косил... Я ведь из потомственных крестьян, мои родичи на Брянщине до сих пор корову держат, я к ним изредка навещаюсь.

– Повезло, я вот городской, только дача и спасает.

– Денис Самойлович, – вдруг вспомнил о своей беде полковник, – ты случайно не знаешь средства от храпа?

– Чего? – удивился командующий. – От храпа?

– Да никак не могу избавиться от этого порока, все подручные средства испробовал, чеснок в нос закладывал, настои пил, сплю один, как... медведь-шатун.

– Ну, брат, не ты один храпишь. Найди позу, на спине вообще старайся не спать.

– Да я храплю во всех позах.

– Это проблема. – Командующий помолчал. – Я где-то слышал, что изобрели ультразвуковой свисток от храпа. Покопайся в Интернете.

– Не доверяю я Интернету, – разочарованно проговорил Черняк. – Но за совет благодарю, попрошу кого-нибудь заняться поиском средства. По делу: мы уже начали развёртку систем по северу, о результатах доложу утром.

– Для организации точечной к-атаки нужен третий угол.

– Американцы используют судно «Ночное солнце».

– Точно?

– Головой ручаюсь. Наши аналитики не ошибаются.

– Хорошо, жду доклада.

Черняк бросил айком на тумбочку, поворочался на кровати, показавшейся слишком просторной, потом понял, что не уснёт, и отправился на кухню пить чай.

Москва. 24 мая, 10 часов утра

В окно влетел свежий ветерок, шевельнул занавеску, и Афанасий проснулся, обнаружив, что утро давно наступило. Обычно он вставал в семь, делал зарядку, потом спешил в столовую, если находился на базе, или шёл в кафе на Плещеева, располагавшееся от дома в пяти минутах ходьбы. Но вот уже второй день никуда не надо было торопиться, и организм неожиданно быстро расслабился, предлагая хозяину не париться и наслаждаться свободой на полную катушку.

Однако лечь пораньше и встать попозже ещё не означало отдыхать, и Пахомов начал подумывать о южных морях, решая, что лучше: российский Крым или Греция со Словенией. Ему дали неделю на размышления, но Афанасий так и не собрался всерьёз обдумывать сделанное предложение. Менять шило на мыло – службу в одной спецконтуре на службу в другой – не хотелось.

Двадцать четвёртое... значит, гулять осталось всего пять дней. Куда податься, вот в чём вопрос? Быть или не быть отдыху?

Звонок мобильного прозвучал как ответ: да!

Афанасий усмехнулся, заставил себя встать, взялся за «медаль» айкома, лежащего на столе; мобильный у него был модный, размером действительно с медаль, и носить его можно было в любом кармашке, так как гарнитура – клипса наушника и «родинка» микрофона – легко прилипала к ушной раковине и к губе.

– Слушаю вас.

– Привет, внучек, – раздался в наушнике, который впопыхах воткнул в ухо Афанасий, голос деда, Геннадия Терентьевича. – Не разбудил?

– Только проснулся, – со смехом признался Афанасий. – Я в отпуске, балдею, встаю, когда хочу. Рад тебя слышать, дед! Как здоровье, что нового изобрёл?

Деду исполнилось семьдесят пять, был он давно на пенсии, но как инженер и радиофизик по профессии продолжал заниматься творческими изысканиями, и его дом на окраине Судиславля, где и родился когда-то Афанасий, больше походил на мастерскую и на музей одновременно.

– На здоровье не жалуюсь, – бодрым голосом заявил Геннадий Терентьевич. – Да и чего на него жаловаться? Здоровье либо есть, либо его нет. Ноги ещё носят. Если ты в отпуске, так, может, навестишь старика? Покажу кое-что интересное.

Афанасий хотел ответить отказом, так как идея полететь на море уже развила бурную деятельность в голове, но вдруг заколебался. На родине он не был уже года три, и его тянуло в Судиславль всё сильнее.

– А знаешь что, дедуля? Приеду! – пообещал он не слишком уверенно. – Сегодня же. Давно детство не вспоминал. А что ты там наваял?

– В двух словах и не расскажешь, увидишь сам.

– Старый секретчик, – засмеялся Афанасий. – Привык блюсти государственные тайны. Надеюсь, не бластер какой-нибудь соорудил?

– Эта штуковина почище бластера будет, – самодовольно похвастался Геннадий Терентьевич. – Сам не ожидал, что получится. Голова у твоего деда ещё работает. Так точно приедешь?

– Соберусь и поеду, мне не перед кем отчитываться. Жди к вечеру.

На душе стало легче. Уже не надо было ломать голову над «проблемой морей», добывать билеты на самолёт, заказывать гостиницу, а отдых на родине никогда не тяготил. Всё-таки восемнадцать лет Афанасий провёл в родных стенах отцовского (точнее, дедовского) дома, о чём у него сохранились самые тёплые воспоминания. Захотелось побродить по улочкам окра-

ины городка, сходить в лес, на речку, попариться в баньке, провести старых школьных товарищей, с которыми когда-то с упоением играл в футбол. Многие из них так и остались в Судиславле, окончив местные учебные заведения, а то и просто отыскав работу без всякого образования.

Зарядка и бритьё заняли четверть часа. Завтрак ещё полчаса. Жил Афанасий один, так как девушки у него не задерживались, походный образ жизни майора спецназа не устроил ни Лену, врача-педиатра, ни Зинаиду, менеджера рекламной компании, ни Свету, продавщицу книжного магазина. Всем троим мерещилось одно и то же: мужик гуляет. В то время как мысли Афанасия были заняты исключительно работой, и если он и встречался с женщинами, то лишь в интересах оперативных мероприятий.

Впрочем, расставался он с подругами легко, без особых сожалений, ни одна из них не тянула на «самую желанную и единственную». Ну не любил он их на разрыве аорты.

Конечно, квартиру ему дали – служебную, естественно, поближе к базе «Альфы», в Библиреве, – далеко не люкс-класса, однако у новой шестнадцатизатки была своя парковочная зона в полусотне шагов от дома, и машину Афанасий мог ставить там на любой срок, не опасаясь за её сохранность. Именно это обстоятельство и мирило его с «деловой комфортностью» миниатюрной двухкомнатки площадью всего в двадцать квадратных метров (с кухней и туалетом), интерьер которой составляли кровать, стол, два стула, шкафчик для белья и книжная полка с тремя книгами: томиком Достоевского, книгой какого-то современного фантаста по фамилии Урой и телефонным справочником. Стекланную вазу высотой больше метра, очень стильную, бело-голубую, подарили ему сослуживцы на день рождения, и теперь в ней красовался кренч – очищенный от коры и выбеленный прут какого-то кустарника со множеством изгибов и колен.

Впрочем, Афанасий привык к спартанскому образу жизни и перестал обращать внимание на отсутствие уюта. Кстати, и Света, прожившая с ним в этой квартире около года, избалованная домашним уходом (её отец был известный политик и депутат Госдумы), этот самый уют создать не смогла.

Было около двенадцати часов, когда Афанасий спустился с одиннадцатого этажа во двор дома со спортивной сумкой и подошёл к своему скромному кроссоверу «Ниссан Скарабей» тёмно-лилового цвета. Спортивно-агрессивной езды ему хватало и на службе, поэтому в обычной жизни он предпочитал спокойное ненапряжное вождение.

В последний раз три года назад он ездил в Судиславль на электричке с Курского вокзала. К тому времени почти везде начали ходить скоростные «Сапсаны», и путь от Москвы до центра – чуть больше четырёхсот километров – занимал всего два с половиной часа.

Нынче Афанасий захотел прокатиться на родину на машине и, хотя провёл в пути пять часов, не слишком разочаровался в отсутствии хорошей трассы и присутствии скрытых телекамер чуть ли не на каждом километре шоссе. Погода стояла прекрасная, почти безоблачная, светило солнышко, пели птицы, зеленели поля и леса, и на душу майора снизошла благодать. Он действительно соскучился по родным просторам, по лесам и дубравам, по спокойному ритму простой деревенской жизни, которая часто снилась по ночам.

Судиславль встретил его неспешным течением негустых потоков машин и патриархальной чистотой.

Когда Афанасий появился на свет, численность населения Судиславля – тогда посёлка городского типа – едва достигала пяти тысяч человек. Но и спустя двадцать семь лет городок остался таким же небольшим, окраинами напоминая деревню. Коров, кур и свиней жители окраин держать перестали, но жили по раз и навсегда заведенному предками порядку. Создавался Судиславль в тысяча триста шестидесятом году как крепость-поселение, потом стал уездным городом Костромской губернии, а после тысяча девятьсот двадцать пятого года и вовсе превратился в заштатное сельцо и возродился лишь в середине двадцатого века.

Ничего особенного он собой не представлял. Большинство взрослого населения Судиславля работало в леспромхозе, на деревообрабатывающей фабрике и на молочном комбинате. Из достопримечательностей города можно было отметить лишь остатки древней крепостицы, церквушку и краеведческий музей.

К семнадцатому году двадцать первого века к этим культурным объектам добавился торговый центр «Забава» с зеркальными стенами, видимый почти из любого района Судиславля. Местные власти решили было возвести кинотеатр, но передумали, так как инвестор вовремя отказался от этого шага. Кинотеатры в крупных городах держались на молодёжи, а молодёжи в Судиславле уже давно кот наплакал.

Дом деда был предпоследним в ряду старых усадеб, построенных чуть ли не столетие назад; улица называлась теперь имени Достоевского, хотя во времена детства Афанасия была Ново-Пушкина. Ничего на этой улочке, в сотне метров от сосново-берёзового леса, не изменилось, на ней даже асфальта не положили, просто подровняли грейдером. Деревянные крашенные заборы, бревенчатые дома, редко – каменные, колодцы. Афанасий с замиранием сердца проехал по ней из конца в конец, притормаживая у домов, где жили друзья детства, пока не добрался до родного дома, мало чем отличавшегося от соседних.

Дом был срублен в пятидесятых годах прошлого века из сосновых брёвен и от времени осел, ушёл в землю на добрых полметра, поэтому казался совсем старым. Дед, конечно, поддерживал его в порядке, да и за садом-огородом следил, но всё же Афанасию его родное жилище показалось совсем старым, у х о д я щ и м.

Афанасий привычно отворил деревянные воротца, загнал машину в старый гаражик; замок был уже снят, дед побеспокоился заранее. В доме его не было, и Афанасий, оставив сумку в сенях, направился во двор, где стоял сарайчик, приспособленный стариком под мастерскую.

Геннадий Терентьевич возился у верстака, протирая ветошью какие-то металлические скобы. На нём был брезентовый фартук, старая фланелевая рубаша с закатанными рукавами и драные по молодёжной моде сине-серые джинсы.

Старик и в молодости не отличался атлетизмом, а к старости вовсе высох, поседел, упал росточком и выглядел гномом, всю жизнь просидевшим под землёй.

Глаза у него между тем блестели молодо, хотя и поблекли к семидесяти годам, и внука он встретил широкой улыбкой, осветившей и преобразившей бледноватое незагорелое лицо.

– Афоньша, приехал!

Они обнялись.

Старик крякнул.

– Полегше, служивый, экий ты железный, прямо кузнец Вакула. А с виду заморыш.

Афанасий засмеялся. Заморышем он никогда не был, несмотря на отсутствие развитой мускулатуры, зато двумя пальцами мог согнуть серебряный полтинник.

– Я в тебя пошёл. Покормишь голодного? По грибочкам твоим солёным соскучился.

– Новые ещё не выросли, но пару баночек прошлогодних опят и рыжиков найду.

– Ты обещал мне показать что-то интересное.

Геннадий Терентьевич заговорщицки прижал палец к губам.

– Это тайна великая есть! Закрой дверь.

Афанасий покачал головой, прикрыл дверь в сарай.

– Неужели ты нашёл способ превращать навоз в золото?

– Навоз у нас давно на вес золота, а нашёл я вот это. – Старик открыл дверцу железного шкафчика на полу, достал что-то завернутое в газету, развернул.

– Маузер? – удивился Афанасий.

– Неймс.

– Что?!

– Нейтрализатор молекулярных связей. Основа – маузер, ещё дедовский, с Гражданской остался, я у него ствол отпилил, спусковой механизм заменил.

– Зачем?

– Эта штукавина не пулями теперь стреляет, а солитонами.

– Чем?

– Сгустками электромагнитного поля. Вот это сменный модуль. – Геннадий Терентьевич провёл пальцем по чёрному ребристому цилиндру, заменившему ствол маузера. – Он формирует солитон – сгусток поля, в котором молекулярные связи материала ослабевают, и он рассыпается в пыль. Заряда аккумулятора – в рукояти – хватает на полчаса непрерывной работы. Вот, смотри.

Старик наставил толстый цилиндр ствола на берёзовое полено под стеной, вдавил курок... и Афанасий широко раскрыл глаза: полено бесшумно осело на пол грудой тающих опилок!

– Твою курносую! – вышел из ступора Афанасий, глядя на оставшийся от полена огрызок. – Ты что с ним сделал, колдун?

– Физик я, а не колдун, – довольно осклабился Геннадий Терентьевич. – Зря, что ли, всю жизнь радиофизикой болею? Хотел собрать генератор СВЧ для дальней связи, а получил неймс.

– Ещё раз?

– Нейтрализатор молекулярных связей, – терпеливо повторил старик. – Мой генератор излучает особое СВЧ-поле, которое почему-то действует на вещество как кислота. Связи молекул рвутся, и любой материал рассыпается в атомарную взвесь.

Геннадий Терентьевич направил маузер на алюминиевую крышку от кастрюли, лежащую на полу, и она на глазах осела, рассыпалась в серебристую пыль. В деревянном полу на этом месте образовалась ямка.

– Ты тут всё издырявил.

– Почитай год экспериментировал.

– А если сарай рухнет?

– Генератор слабенький, от двенадцативольтового аккумулятора работает, – ухмыльнулся Геннадий Терентьевич, довольный произведённым на внука впечатлением. – Предел прямого действия метров пять всего. Я сейчас собираю неймс помощней, метров на сто бить будет.

Афанасий с интересом взял в руки тяжёлый маузер.

– Дед, а ведь это оружие, соображаешь?

– Чего ж не сообразить? Не дурак поди, потому и секретничаю. Даже в патентное бюро заявку не понёс, решил сначала с тобой посоветоваться. Ты там в ЧК служишь, замолвил бы словечко начальству? Может, заинтересуется.

Афанасий вспомнил, что ему предложили перейти в другое ведомство, но вслух говорить об этом не стал. Взвесил маузер в руке, наставил ствол на колесо от велосипеда, висевшее на стене. Курок мягко просел под пальцем.

Треть колеса – обод, спицы, резина – посыпалась блёстками на пол, в стене сарая за ним появилось углубление величиной с кулак.

Геннадий Терентьевич отобрал у внука маузер.

– Наделаешь дырок в стенах – ветер свистеть будет. В лес пойдёшь, там и потренируешься. Так что, поговоришь со своими чекистами?

– Обязательно! – пообещал Афанасий, с чувством обнимая старика. – Ох и головастый ты мужик, дедуля! Сколько же на твоём веку изобретений?

– Кто их считал? С полсотни, наверное, наберётся.

– Я похлопочу, чтобы тебе орден дали как народному умельцу России.

– Да зачем он мне нужен, орден? – отмахнулся старик. – Не заради орденов дело делаю. Жаль только, что чиновник нынче совсем дурной пошёл, без mzды в ус не дунет. Я от их брата во как настрадался! – Геннадий Терентьевич чиркнул пальцем по горлу. – Один раз только нормального человека встретил, в администрации Костромы, да убили его вскорости. Ну, что, внучек, пошли пообедаем?

– В баньку бы сходить, попариться. У Вавиных банька ещё стоит?

– Стоит, Санька её усовершенствовал, газом топит, я к ним почти каждую субботу заглядываю.

Старик завернул маузер в газету, спрятал в тумбочку.

Вышли из сарая, Афанасий занёс свою сумку в горницу, огляделся, припоминая детали обстановки, ни капли не изменившейся с момента его последнего визита, всей грудью вдохнул воздух, полный запахов детства, и пробормотал:

– Дома я!

Обедали на веранде.

Геннадий Терентьевич ожил, разговорился, обрадованный встречей с внуком, Афанасий слушал, неторопливо хлебая овощной суп, и задавал вопросы. Больше всего его интересовала судьба бывших школьных и уличных приятелей, с которыми он провёл самые лучшие детские годы.

– Петро Лившиц здесь? Я его после школы не видел ни разу.

– Петро, по слухам, важный деятель, в Министерстве образования в Москве окопался.

– Это на него похоже, замашки у лопухого были отцовские – везде командовать парадом, он лучше всех историю знал. А Вовка Зыс?

– Приезжал как-то, директор завода в Нижнем Тагиле.

– Ух ты, молодец, добился своего. Помню, он ещё в пятом классе рвался отечественное производство поднимать. А Олежка Щедрин где, не знаешь? Сколько мы с ним чижей по огородам похоронили! Я проехал мимо его дома, никого не увидел, думаю вечером зайти. Валик Баранов?

– Умер.

– Да ты что? Он же здоровый был бугай.

– У них мор на всю семью пошёл, все перемерли.

– А Олег?

– Олег приезжает часто, в отличие от тебя, ко мне заглядывал, про тебя спрашивал. Он МИФИ окончил, где-то в метеорологах вроде бы подвизается, а где – не помню. По-моему, где-то в Подмоскowie. Хороший парнишка, вежливый, уважительный. Батя его тоже ко мне захаживает, учительствует в нашей средней школе, географию преподаёт.

– Он и тогда географию преподавал, когда нас в белый свет выпускали. – Афанасий помрачнел. – Вместе с отцом.

Геннадий Терентьевич молча встал, ушёл в дом и вернулся с графинчиком, на дне которого плескалась прозрачная жидкость, и двумя стаканчиками.

– Давай по глоточку, помянем родимых.

Афанасий сжал зубы так, что они заныли.

Отец умер от рака десять лет назад, а мама ушла за ним следом через год, не смогла пережить потерю любимого человека.

– Вечная память, Жорушка и Аннушка!

Старик прослезился.

Глоток водки обжёг нёбо, колючим шариком скатился по пищеводу в желудок.

Голова затуманилась почти мгновенно, на душе стало легче.

– Хапилин вернулся, – вспомнил Геннадий Терентьевич, отняв от носа корочку хлеба. – Помнишь, рыжий такой, даже летом в кепке ходил.

– Да уж. Кепка у него была знатная.

– Солидный такой стал, потолстел, главным редактором нашей районной газетёнки работает.

– Это здорово, – оживился Афанасий. – Давно рыжего не видал. Он и в школе всегда что-то писал, во всех литературных конкурсах участвовал. К нему первому пойду. А из девочек кто остался?

– Оля Яшутина, на деревообработке мастер. Лариса Гришенков – аптекарь, Зина Бадыкина – парикмахерша. Да ты сам всё узнаешь, коли по улице пройдёшься. Соседку нашу помнишь?

– Какую? Верку Гудко, что ли?

– Поближе, я же говорю – соседку.

Афанасий наморщил лоб.

– Со мной вроде никто из соседних не учился.

– Я и не утверждаю, что учился, она годков на восемь помоложе тебя, во второй класс пошла, когда ты десятый заканчивал.

– А-а... Дунька Ходченкова, что ли? Мы её Одуванчиком звали.

– Не узнаешь теперь Одуванчика, вытянулась, красавицей стала.

Афанасий остался равнодушным.

– Все растут, чему удивляться. Ну, что, сходим к Сашке Вавину, напросимся в баньку?

– А пошли, уберу только со стола.

Старик подхватился с места, Афанасий тоже встал, помог ему унести посуду, переоделся в спортивное, и они отправились к дому Вавиных, стоящему за колодцем, в полусотне метров от дома Геннадия Терентьевича, на другой стороне улицы. Отец испокон века дружил с главой дружной семьи Вавиных, а вместе с ним и остальные члены семьи Пахомовых передружились с ними, несмотря на разницу в возрасте. Сам Александр Васильевич, худенький и светленький, начавший рано лысеть, почти не менялся с возрастом, и все звали его Сашкой, хотя ему пошёл уже шестой десяток. Жена у Александра была намного осанистей, высокая, статная, бесконечно добрая, и выглядела на тридцать пять, за что её звали Шурочкой все соседи.

Афанасия они встретили как родного сына после долгой разлуки, отчего ему стало неловко. Впрочем, уже через пару минут он почувствовал себя своим среди своих и с удовольствием принялся расспрашивать друзей отца, с не меньшим удовольствием отвечая на их вопросы.

– Ну, вы тут пообщайтесь, а я побегу, – встал из-за стола Геннадий Терентьевич. – Дела остались. Афоня, жду к ужину.

– Он у нас поужинает, – категорично заявила Шурочка.

– Ну и ладно, – согласился старик. – Тогда и я к вам присоединюсь, вкусенького чего-нибудь принесу.

Беседовали недолго, баня была уже готова, поэтому Вавин первым напомнил гостю, что пора париться. Однако тут появился ещё один гость, встретить которого Афанасий даже не надеялся.

В сенях раздался звонок.

Шурочка открыла дверь, мужчины, выходившие во двор, где стояла банька, приостановились и увидели молодого человека приятной наружности, светловолосого, с бледноватым смущённым лицом.

– Здравствуйте, Александра Григорьевна, – сказал он радостным голосом. – Не будете сердиться, если я в баньку напрошусь?

– Не буду, – с улыбкой отступила в сторону хозяйка.

Гость заметил в сумраке сеней мужчин, наморщил лоб.

– Лопни мои глаза! – с расстановкой проговорил Афанасий. – Никак Олежка Щедрин!

– Он, – кивнул Вавин.

– Афоня? – удивился Олег. – Вот так встреча! Ты тут каким ветром?

– Каким и ты.

Друзья, присматриваясь друг к другу, сцепили руки, потом обнялись.

– Как я рад! – пробормотал Олег. – Ты не представляешь. Давно хотел позвонить, узнать, где ты обитаешь и всё такое.

– Я тоже рад, – искренне сказал Афанасий. – Сколько же мы с тобой не виделись?

– Лет пять.

– Обалдеть можно! А ты ничуть не изменился.

– Да и ты тоже не сильно.

– Молодые ещё меняться, – засмеялся былобрысый Вавин. – Поживёте с моё – поменяетесь.

– Ты же не постарел? – хмыкнул Афанасий.

– Я заговорённый, меня бабка после пожара, когда я чуть не сгорел на сеновале, с того света вытащила, вот я и законсервировался. Ну, неча в сених трещать, пошли в баню, коли и ты за этим пришёл, веселей будет.

С улицы донёсся треск мотоцикла, крики.

Шурочка поморщилась.

– Башибузуки!

– Кто это носится? – спросил Афанасий.

– Мазурина Вовку помнишь? – спросил Вавин. – Кыриком в детстве звали. Батя его два года назад помер от пьянства, ну Вовка и приезжает сюда из Нижнего с друзьями на лето. Житья нет, если честно, каждую ночь такие концерты устраивает! Ладно, пошли.

Взяли простыни, полотенца, залезли в баню, принялись расспрашивать друг друга, кто где работает, вспомнили школьные годы, выслушали с десятков анекдотов хозяина, нахохотались и утомились, три раза посетив парилку.

Афанасий вышел из бани такой умиротворённый и расслабленный, что даже визг и рёв мотоцикла, прилетавший с улицы, воспринимал как данность. Родная земля, простые радости, простые речи, искреннее расположение соседей радовали так, будто он заново родился. И ничто не могло поколебать хорошего настроения.

Расположились за столом, под навесом, в саду Вавиных.

Хозяин взялся за пиво, Афанасий с Олегом попросили чаю, к которому Шурочка напекла вкуснейших лепёшек на меду, называя их шанежками. Вспомнили друзей, забавы и развлечения, детские игры и школьные соревнования. Олег спортом не занимался, был тихим и скромным, отчего часто получал затрещины и зуботычины, пока не подружился с Афанасием, который славился недетской силой и мог набить морду любому забияке.

– Ты мне так и не ответил, где работаешь, – сказал Афанасий, наслаждаясь деревенской обстановкой, компанией и отсутствием каких-либо забот. – Дед говорил, что якобы ты метеоролог.

– Ну... метео... охраняю синоптиков, – отвёл глаза не менее расслабленный Олег.

– Ты – и охрана? – удивился Афанасий. – Это же несовместимые понятия. И где сидят твои синоптики? В каком центре?

– В Подмоскowie, в Королёве.

Афанасий отложил лепёшку, разглядывая необычно смущённое лицо старого школьного приятеля.

– В Королёве, говоришь? Это интересно. А как твоя охранная организация называется?

– ВГОР, – пробормотал Олег, снова отводя глаза. – Военизированная государственная охрана... России.

Афанасий закашлялся, хлебнул чаю, не спуская глаз с лица Олега.

– Не может быть... такого не бывает... Может быть, это другая охрана, геофизическая?
И не охрана, а оборона?

Олег вытаращил глаза.

– Ты... откуда?!

– От верблюда. – Афанасий залпом допил чай. – Два дня назад твоё начальство предложило мне перейти к вам.

– К-какое начальство?

– Полковник Черняк.

Олег громко сглотнул, пожевал губами, ища слова, выдавил ответ:

– Я об этом ничего не знаю...

– А почему ты должен знать? Ты же синоптик. Или кем ты на самом деле работаешь?

– Метео... аналитик.

– Звание?

– Майор.

Афанасий засмеялся.

– Поздравляю, мы оба майоры. Кто бы мог подумать?

– Посидите, покалякайте, я за рыбкой сбегая, – сказал Вавин, бросаясь в дом.

Афанасий проводил его взглядом, добавил:

– Значит, если я приму предложение, мы будем служить в одной конторе?

– Если ты не шутишь...

– Какие уж тут шутки. Зачем вашим командирам понадобилось создавать оперативную команду? Они что, собираются засылать группу на территорию США? Устраивать там диверсии?

– Не знаю... Но «Зевсы» стоят везде, не только на территории Штатов.

– Что за «Зевсы»?

– Я не имею права...

– Мне обещали скинуть основную базу данных ВГОР, но я уехал и пока особым информационным багажом не обладаю. Ты просто введёшь меня в курс дела. Расскажи поподробней, чем вы там занимаетесь... в синоптическом центре.

Олег посерьёзней, исподлобья посмотрел на собеседника, лицо его затвердело.

– Ты и в самом деле... будешь у нас работать?

Афанасий сделал квадратное лицо.

– Я майор «Альфы», группы антитеррора ФСБ, мне можно доверять. – Он не выдержал, фыркнул. – Расслабься, я никогда никого не подводил. Мне, оперу со стажем, вряд ли предложат заниматься анализом метеообстановки, как тебе, или сидеть в охране.

– Хорошо, расскажу что знаю, – расправил плечи Олег. – Но давай поговорим не здесь.

– Согласен, свидетели нам не нужны, пойдём к нам попозже, деда только дождёмся.

Прибежал счастливый Сашка Вавин, принёс порезанную ломтиками селёдку, зелёный лучок и жбан пива.

– Угощайтесь, соседушки, пиво свежее, а селёдочка вообще мирового класса.

На улице снова взревел мотор, донеслись крики и визги, шум приблизился.

Гости переглянулись.

– Мототерапия, – сказал Олег с кривой улыбкой.

– Какая терапия? – не понял Вавин.

– Новая услуга, рекламируется в Интернете. Садись за спину байкеру, тот катает тебя с ветерком, и твой стресс и хроническая усталость исчезают.

– Чушь какая-то.

– Ну почему? Вдруг кому-то помогает? Есть ещё более забавные профессии, собутыльник напрокат, к примеру. Жена или муж на час.

– Ага, это у нас широко распространено, – ухмыльнулся осоловевший Вавин.

– Секс-услуги здесь ни при чём, муж на час по вызову делает все хозяйственные работы. Ещё есть родственники в аренду, бизнесменов сопровождают, бойфрендов играют, за папу в школу ходят.

– Вот это по мне! – хлопнул себя по коленям Вавин. – Я могу и за папу, и за бойфренда сойти. Много платят?

– До двух тысяч в час.

– Отлично, предложу соседу.

Мотоцикл взревел совсем рядом, будто собирался стартовать в космос. С улицы донёсся хохот, шум, грохот.

Афанасий встал.

– Пойду погляжу, что там за компания гуляет.

– Не ходи, ещё бока намнут, – посмурнел Вавин. – Витька Шилов хотел их приструнить, так они ему голову дровенякой проломили.

– Ничего, я голову подставлять не стану, – усмехнулся Афанасий.

– Я с тобой, – подхватился Олег.

Они вышли на улицу.

Вечерело, солнце опустилось низко над крышами домов, и вдоль улицы лился густой поток оранжевого света, в котором можно было купаться буквально как в реке.

Старушки, по обыкновению сидевшие по вечерам в тёплую погоду на лавочках, попрятались по домам.

По улице из конца в конец носились на мотоцикле по двое, а то и по трое, небритые хлопцы в безрукавках и майках, гогоча во всю глотку, швыряя в огороды и сады пивные бутылки и пугая редких прохожих.

К колодцу неподалёку от дома Геннадия Терентьевича вышла девушка в ситцевом сарафанчике, с двумя вёдрами. Проводила глазами компанию, начала набирать воду.

Но хлопцы заметили её и повернули назад, лихо развернулись у колодца, обдав девушку и старенький колодезный сруб волной пыли.

Девушка отступила к забору, прижав ладонь к губам.

Трое байкеров соскочили с мотоцикла, с хохотом подступили к ней, махая руками, что-то предлагая.

Афанасий быстрым шагом направился к ним.

Олег медленно двинулся следом, оглядываясь на вышедшего Вавина и выглядывавшую из окна Шурочку.

– Эй, голытьба, – окликнул компанию Афанасий, – может, хватит шуметь? Народ в тишине отдохнуть хочет.

Все трое байкеров оглянулись.

Кырика он не узнал, слишком много времени прошло с тех пор, когда оба были школьниками. Но судя по замашкам и отсутствию печати интеллекта на физиономии, в которой проглядывало что-то знакомое, самый толстомясый и плотный байкер и был предводителем компании.

Его спутниками были парни пожиже: смуглолицый красавец кавказской наружности, черноволосый, небритый, с серьгой в ухе, – у него на поясе висел нож в чехле, – и славянин с широкой блинообразной рожей, одетый в крикливо– разноцветное тряпье, какое носят индвидуумы нетрадиционной сексуальной ориентации.

Девушка – стройненькая, пышноволосая (Одуванчик, – мелькнула догадка), отняла ладонь от лица, и Афанасий застыл, не в силах отвести от неё взгляда.

Нельзя было сказать, что она красавица: симпатичная, остроносенькая, зеленоглазая, милая – вот и все достоинства. Но на ней лежала такая п е ч а т ь женственности, притягатель-

ной живости, жизнерадостности, обаяния, что захолонуло сердце. И смотрела она на парней не со страхом, а скорее с укоризной, как на расшалившихся детей.

– Тебе чего, дядя? – поинтересовался густым хрипловатым голосом мордатый вожак.

Афанасий очнулся, перевёл взгляд на него.

– Кырик?

Мордатый мигнул, всматриваясь в «дядю». Мыслительный процесс у него проходил медленно.

– Ну? Ты кто?

– Афоня я, – кротко ответил Афанасий, – Пахомова Георгия Геннадиевича сын, не помнишь?

– А-а... – равнодушно сказал Кырик, он же – Вовка Мазурин, так и не изменивший своих подходов к жизни; дрались они в детстве нещадно. – Ходи мимо, Афоня, мы тоже отдыхать хотим.

– Ну и отдыхайте себе тихо, не гоняйте по улице как шальные, не пугайте народ, к девочкам не приставайте. Всем будет хорошо.

– А ты что нам за указ? – нехорошо улыбнулся кавказец; по-русски он говорил чисто.

– Миром прошу, – пожал плечами Афанасий.

– Невже и не миром могёшь?

– И не миром могу.

– Да пошёл ты! – сплюнул блинолицый «нетрадиционалист». – Пока цел! Не миром он может. Давно не били? Так мы это устроим.

– Попробуй, – кивнул Афанасий. – Только заранее «Скорую» вызови.

– Дай ему, Мопс! – не выдержал Вовка Кырик.

Мопс напыжился, расправил плечи, сжал костлявые кулаки, выставил вперёд животик и пошёл на Афанасия как бульдозер.

– Пошёл отсюда, дядя, не то инвалидом станешь!

Бить в полную силу Афанасий его не стал. дождался выпада кулаком, уклонился и вонзил костяшки пальцев (приём «копыто лошади») в солнечное сплетение парня.

Блинолицый Мопс хакнул, хватаясь за живот, не в силах разогнуться, стал оседать на землю. Лицо его полиловело.

– Помогите худенькому, – посоветовал Афанасий. – Ещё задохнётся.

Бугай Кырик наморщил узкий лоб.

– Иди, иди, земля, забирай своего другана, – добавил Афанасий. – И не напрягай так мозги, штаны порвёшь.

Сзади кто-то хохотнул.

Оборачиваться Афанасий не стал, глянул на девушку, предполагая увидеть на её лице улыбку одобрения, но увидел только досадливую гримаску. Она явно не одобряла его действий. Взялась за вёдра, подняла почти без усилий и быстро пошла прочь от колодца, не сказав защитнику ни слова благодарности.

Олег, стоявший за спиной Афанасия, вдруг шагнул к ней.

– Разрешите помочь?

Девушка изломила бровь, хотела обойти молодого человека, но передумала.

– Спасибо.

Олег взял вёдра, кинул на Афанасия торжествующий взгляд и понёс по дороге вслед за девушкой, так ни разу и не оглянувшейся.

– Што ты сказал? – сжал кулаки Кырик.

– Что слышал. – Настроение испортилось, утихомиривать банду расхотелось, но дело надо было доводить до конца. – Мирные переговоры кончились. Услышу ещё звук мотора и шум – пеняйте на себя, ездить будет не на чем. Тут шоссе недалеко, вот и катайтесь на здоровье.

Смуглолицый кавказец вдруг прыгнул к Афанасию, выхватывая нож.

Владел он им мастерски, вращая в пальцах, играя рукоятью, вскидывая лезвие, и было видно, что делает он это грамотно.

– Порэжу, дядя, – оскалился он. – Девка наша была, зря ты нарвался.

Дождаться атаки Афанасий не стал. Сделал ложный замах, наметил удар ногой: на оба движения, вернее, намёка на движение, смуглолицый отреагировал нервно, отмахиваясь ножом, и на душе полегчало: профессионал действовал бы иначе.

Противник пошёл в атаку, и его встретил приём «клещи», выбивший нож, а затем удар в переносицу, унёсший парня к забору соседнего дома.

Сзади шумно заплотировал и захохотал Вавин.

– Знай наших! И так будет с каждым!

Кырик проследил за падением соратника, в его мутных глазах отразилось беспокойство.

– Ты чего психуешь, сосед?

Афанасий, чувствуя злость и раздражение, шагнул к нему, и Кырик понял его намерения. Он с неожиданной для его комплекции быстротой вскочил на мотоцикл, ударом ноги завёл и умчался прочь, оставив после себя опадающий хвост пыли.

Афанасий сплюнул, подошёл к блинолицему, пошлёпал рукой по щеке.

– Живой? Помочь или сам дойдёшь?

Видимо, перспектива помощи от противника показалась парню сомнительной. Он с трудом поднялся и, не глядя на чернявого спутника, ворочавшегося под забором, пошёл вслед за мотоциклом.

Афанасий рывком за шиворот пятнистой безрукавки поставил кавказца на ноги.

– Будете шуметь – пожалеете, что родились! Понял?

Смуглолицый дотронулся до носа, сморщился.

– Ты мне нос сломал...

– Заживёт, не надо было ножиком баловаться. Иди и передай своим: терпеть больше ваши выходки не буду. А понадобится – ОМОН вызову! Есть у меня такая привилегия. Усёк?

– Ус-ус...

– Вот и славно, болезный, бегом марш!

Чернявый развернулся и потрусил прочь, прижимая обе руки к лицу.

Вавин отбросил палку, захохотал пуще прежнего, обнял Афанасия.

– Ну, ты даёшь, Пахомов! Как это у тебя получается?

– Я с детства в Чапаева хорошо играл, – усмехнулся Афанасий, с ревнивой завистью наблюдая за Олегом, продолжавшим разговаривать с девушкой у калитки её дома.

Вышел Геннадий Терентьевич с кастрюлей в руках.

– Что за шум? Я что-то пропустил?

Вавин радостно подбежал к нему, начал взахлёб рассказывать о подвиге Афанасия. К соседям присоединился младший Гришенков, знаменитый почти полным отсутствием передних зубов, известный матерщинник дед Савостьянов, которому исполнилось девяносто семь лет, но был он ещё бодр и склерозом не страдал.

Пыль на дороге улеглась, мотор мотоцикла перестал стрелять, на улицу легла тишина.

Афанасий перешёл дорогу, остановился возле компании, продолжая глядеть на Олега и его собеседницу.

– Дед, это она?

– Кто? – не сразу сообразил Геннадий Терентьевич, потом проследил направление взгляда внука, подтвердил: – Дуняха наша. Как тебе Одуванчик?

Афанасий постоял немного и пошёл в дом, не слушая возгласы соседей, обсуждавших Кырика и его братию.

Он уже переоделся в домашнее – шорты и футболку, когда в хату зашёл хмельной от возбуждения Олег.

– Извини, что не помог, не люблю драться.

– А я, значит, люблю?

Олег смутился.

– Я не это имел в виду. – Он оживился. – Красивая стала, правда? Я бы не узнал. А ты? Афанасий покачал головой.

– Я тоже. Не ожидал от тебя такой прыти. О чём вы говорили?

– Да так, о разном. Кстати, нас пригласили в гости!

– Нас? – хмыкнул Афанасий. – Не путаешь? Может, она имела в виду только тебя?

– Нас обоих, честно. Пойдёшь?

Афанасий хотел отказаться, но вспомнил взгляд больших зелёных глаз Дуни и согласился.

Москва, улица Знаменка, 19. Министерство обороны России. 25 мая, утро

Министр опаздывал, но в приёмной не скучали, было о чём поговорить: на устах у всех присутствующих был недавний инцидент в Баренцевом море, где случилась интересная погодная аномалия.

Всего в приёмной находилось четыре человека: всё верховное командование ВГОР вместе с командующим генералом Зерновым и представитель Главного разведуправления полковник Ратный.

Совещались все вместе не раз, знали друг друга хорошо, поэтому никакого дискомфорта не ощущали. Ратный в своё время хорошо изучил Европу, работая в разных дипломатических представительствах, и поделился своим мнением о процессах «омусульманивания» европейских стран.

Заместителя командующего ВГОР Черняка интересовали вопросы сбора информации о зарубежных средствах геофизического мониторинга, он задал Ратному несколько вопросов, и полковник ГРУ пообещал ему сбросить кое-какие любопытные разведданные.

Затем заговорили о применении американцами в Европе и в России системы «Socrates» третьего поколения, знаменитой своими уникальными алгоритмами индексации высокотехнологичных военных систем, сбора информации о методах ведения «неконтактных войн», оценки конкурентоспособности военных лабораторий и выработки решений по обеспечению собственной конкурентоспособности.

Российская часть системы «Socrates» опиралась, по мнению Ратного, в первую очередь на объединения «Роснано» и «Сколково», для чего они и создавались в своё время, чтобы работать не на Россию, а на США.

Все присутствующие это знали, но информация о «Сократе» никогда не попадала в СМИ, и разработки российских высокотехнологичных центров тут же становились собственностью американцев, в результате чего аналогичная российская продукция просто не покупалась: американцы успевали использовать рождающиеся идеи раньше.

Впрочем, об этом в приёмной министра говорили мало, понимая, что это не их епархия. Все надеялись, что когда-нибудь ситуация изменится.

Ратный тоже задал собеседникам вопрос: запущена ли система «Землекопа»? Черняк ответил, что система запущена полгода назад. Речь шла о создании системы сенсоров по всей территории России, докладывающих об изменении геофизической обстановки и регистрирующих, что происходит в глубинах континента и под дном морей.

Такую систему – «Earth Score» – первыми разработали американцы – «для изучения физических процессов в коре и мантии Земли», но использовать её в первую очередь начали военные. Дошла очередь до пуска аналогичной системы «Землекопа» и в России. Естественно, для страны он играл большое значение, так как командование ВГОР могло быстро оценить возникшую угрозу и отреагировать на «стихийные бедствия», инициированные американскими «Харпами» и «Зевсами». Сведения, поступающие от датчиков «Землекопа», в первую очередь адресовались аналитическому центру ВГОР в Королёве, после чего стратеги ВГОР и должны были подключать к решению проблемы тактико-оперативные звенья.

Адъютант министра предложил чаю.

Отказались все.

Министр прибыл только через сорок минут после назначенного времени, и не один. Его сопровождали мужчины в военной форме: начальник Генштаба генерал армии Валерьев, сухой

и подтянутый, и первый замминистра генерал Викторов. Уголки губ у Викторова всегда были опущены, отчего казалось, что он скорбит о ком-то.

Министр извинился:

– Прошу прощения, товарищи офицеры, задержался у премьера. Проходите.

Был министр Соило, нивх по национальности, мал росточком, subtilen, коричневолиц и узкоглаз, с большим треугольным носом, занимавшим едва ли не пол-лица. Но бледно-голубые глазки министра светились умом и энергией, и кукольный вид его предпочитали не замечать.

По давно заведённому порядку расселись за Т-образным столом хозяина кабинета напротив друг друга: командующий ВГОР и его подчинённые – слева, представители министерства – справа.

– Докладывайте, Денис Самойлович, – доброжелательно сказал Соило.

Зернов, плотный, почти квадратный, бывший штангист, с тяжёлым и мрачноватым лицом, положил перед собой фиолетового цвета папку с вытисненным на ней двуглавым орлом, но открывать не стал.

– Ситуация щекотливая, товарищ генерал. Все обстоятельства инцидента выяснены, мы попытались разблокировать ПНД, но с минимальным результатом. наших «Тополей» не хватило, нужен ещё один – в непосредственной близости от платформы «Разлом-2».

– Давайте без ваших зубодробительных сокращений, – изобразил улыбку министр. – Что такое ПНД?

– Пузырь низкого давления... э-э, так мы называем зону изменения...

– Понял, не объясняйте. «Тополь» в таком случае – это наша мобильная станция?

– Так точно, мобильный «Король».

– В чём дело, почему наши станции не сработали?

– Они подключились, тиксинская и камчатская, но пробить ионизированный купол над Баренцевым морем не смогли. Третий угол... э-э, инициатор возбуждения ионосферы, американский «Зевс», находится на борту корабля «Найт сан», и он не выключен, продолжает работать и удерживать канал подпитки ПНД... зоны низкого давления.

– Что мы можем сделать?

Зернов посмотрел на своего зама.

– Разрешите, товарищ генерал? – выпрямился Черняк.

– Слушаю.

– Наш мобильный «Тополь» в Мурманске не смог выйти на крейсерский режим, поэтому мы и не погасили ПНД над Баренцевым морем полностью. Необходимы более динамичные системы.

– Что вы имеете в виду?

– Лучшим средством доставки наших «Тополей» в нужную точку России, да и других континентов тоже, может быть только спутник. Но пока таких спутников у нас нет, первый мы сможем запустить не раньше следующего года, мы предлагаем использовать самолёты.

Министр пустил лучики морщинок по лицу.

– Вам не кажется, полковник, что мы опаздываем с этим решением? По моим сведениям, уже и китайцы пытаются экспериментировать с нашим Дальним Востоком с помощью своего «Змея». Кажется, так называется их «Харп»?

– Совершенно верно. Однако ещё полгода назад мы не могли уместить наш «Тополь» в трюм самолёта, поэтому генераторы устанавливали на трейлеры.

– А сейчас можете?

– Первый модернизированный «Тополь», мы назвали его «Коршуном», уже монтируется в грузовом отсеке «Ил-96». Первый полёт намечен на двадцать восьмое мая. К этому времени будет готова и спецгруппа для обслуживания и охраны генератора.

– Кто предложил такое название – «Коршун»?

– Разработчики. Установка создавалась для коррекции и шунтирования погодных аномалий, отсюда «Коршун».

– Что ж, это хорошее известие, американцы вконец обнаглели со своим экспортом климатического терроризма, надо ставить их на место. Сопровождение вашему самолёту с «Коршуном» потребуется?

– Мы считаем, это лишнее. К тому же пару самолётов засечь гораздо легче, чем один. Для защиты на «Иле» будет установлен ракетный комплекс «Стрела» с ракетами класса «воздух-воздух». Кроме того, мы собираемся укомплектовать спецгруппу боевыми офицерами, прошедшими горнило антитеррористических операций.

– Держите меня в курсе, Денис Самойлович.

Зернов кивнул.

– Сколько вам нужно времени для ликвидации последствий нападения на нефтяной комплекс в Баренцевом море?

Командиры ВГОР переглянулись.

– В Мурманск направлен ещё один «Тополь»... – начал Черняк.

– Сколько?

– Дня три-четыре... если они сами не выключат «Зевс» на корабле.

– Не лучше ли долбануть по этому их «Зевсу» на корабле крылатой ракетой? – поинтересовался начштаба.

– Взовьются все правозащитники в мире, – осторожно возразил Зернов. – К тому же это практически равносильно объявлению войны. Действовать надо похитрей, адекватно, но скрытно и результативно. Для этого мы и создаём спецгруппу климдивов.

– Как?

– Климатических диверсантов, – наметил улыбку командующий ВГОР.

– Не перегибаем ли палку? – превратил глаза в щёлочки министр. – Президент может не одобрить наших действий.

– Не перегибаем, – вставил слово полковник Ратный. – Специально для этого совещания я подготовил материал, раскрывающий планы американцев по теме геофизического оружия.

Он встал, подал министру плотный пакет из чёрной бумаги.

– Здесь диск и текстовая копия.

Сойло взял пакет, но вскрывать не стал.

– Вкратце приведите основные положения материала, введите присутствующих в курс дела.

– Вкратце – заокеанские господа плевать хотели на какие-либо ограничения и уж тем более на бедствия, которые вызывают в других странах их эксперименты с геофизикой. Во-первых, спущен на воду их третий корабль серии «F-Y» или, как мы называем, – серии «Факю», с «Зевсом» на борту. В скором времени он появится в акватории Средиземного моря. Во-вторых, вслед за атакой на нефтедобывающую платформу в Баренцевом море планируется испытать «Харпы» во взаимодействии с «Зевсами» над Калининградским судостроительным заводом, где строится самый современный ледокол в мире, над ядерным центром в Томске, химзаводом в Воронеже и над космодромом Восточный.

В кабинете министра стало совсем тихо.

Ратный усмехнулся.

– Могу добавить, что американцы готовят климатический удар по горному Китаю и по Северной Корее. Китайцы тоже пытаются не отстать, планируют накрыть Флориду супертайфуном.

– Надо опубликовать эти сведения в Интернете, – заметил замминистра. – Может, это их остановит?

– Кого, китайцев или американцев?

– Ни тех, ни других, – поморщился начальник Генштаба. – Вспомните разоблачения Сноудена: весь мир встал на уши, а американцы как прослушивали всех, так и продолжают прослушивать.

– Согласен, товарищ генерал. Кроме того, в их планах замедлить, а то и вовсе остановить Гольфстрим. Это вызовет полное оледенение Северного Ледовитого океана, а вместе с ним замёрзнет и наш российский Север.

– Зачем это им? – спросил Виктор.

– Они отстают в освоении шельфов Заполярья, вот и стараются нейтрализовать усилия России в этом направлении.

– Но ведь вымерзнет и половина Европы!

– А им плевать.

– И ещё одно очень любопытное сообщение, – добавил Ратный. – В лаборатории «Белл» готовятся запустить на Луну генератор массы, или, как учёные сами его называют, генератор бозонов Хиггса.

– Где-то я слышал про эти бозоны...

– Их открытие состоялось ещё в две тысячи двенадцатом году на Большом адронном коллайдере, это частицы, которые и ответственны за появление массы у элементарных частиц.

– Американцы собираются построить на Луне коллайдер?

– Нет, ускоритель для этого не нужен, а подробности нам неизвестны. – Ратный подумал. – Пока неизвестны. Это ноу-хау американцев.

– Для чего это им нужно?

– Генератор бозонов теоретически способен создать маскон – гравитационную яму и изменить ритм вращения Луны, что непременно отразится на Земле.

Министр скептически покачал головой.

– Не понимаю, как можно достичь такого результата. Даже для создания этих ваших ПНД нужна гигантская энергия.

– Мы обходим этот порог тем, – сказал Черняк, – что находим спусковые механизмы природных явлений, которые и включают сами стихии, высвобождая гигантские энергии. К примеру, в районе Тихоокеанского разлома у берегов острова Суматра американцы направили под тектоническую плиту электромагнитный импульс мощностью всего лишь в три мегаватта, а получили землетрясение и волну цунами в миллионы раз мощнее.

– Мощнее атомной бомбы?

– Двадцать Хиросим.

– Ладно, я понял, впечатляет. Похоже, нам надо начинать готовиться и к противостоянию на Луне. Вы заговорили о спецгруппе для диверсионных акций...

– Уточняю: для защитных диверсионных операций.

Сойло не обратил внимания на реплику Зернова.

– Не следует ли нам создать подразделение превентивного воздействия на планируемые американцами и кем угодно ещё геофизические провокации?

На лицах командиров ВГОР появилось одинаковое выражение скрытого удовлетворения. Черняк посмотрел на командующего, Зернов кивнул.

– Мы готовим и такое подразделение, – сказал Черняк почти бесстрастно. – У американцев созданы специальные структуры DS – «разрушения намерений», но это провокационно-политические структуры. Мы же создадим оперативную диверсионную быстро реагирующую систему.

– С подключением тех же провокационных структур, – добавил Зернов с усмешкой. – В нашем распоряжении два десятка правильно настроенных журналистов и лучшие хакеры России. Мы собираемся упреждать все обвинения в наш адрес.

– Прекрасно. – Министр постучал пальцем по конверту. – Здесь отражены ваши предложения?

– Нет, товарищ генерал, наши стратегические разработки не подлежат разглашению. Сойло вздёрнул брови.

– Разве мне как министру обороны не положено знать, что готовит ваша структура?

– Наша структура не существует.

Министр пожевал губами, с сомнением глядя на Зернова, и тот добавил сухо:

– Мы напрямую подчинены главнокомандующему, Горик Степанович, вы это знаете. Всё, что мы делаем, имеет гриф «совсекретно».

– Секретчики несуществующие... – Министр отодвинул конверт Ратного. – Я буду докладывать о ситуации президенту, и мне понадобится обоснование.

Черняк открыл рот, но Зернов опередил его:

– Возьмите с собой меня. Вся ответственность за деятельность ВГОР лежит на мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.